

НИНЕЛЬ НУАР

ГРАНИ
ОБМАНА

Нинель Нуар
Грани обмана

«Автор»

2023

Нуар Н.

Грани обмана / Н. Нуар — «Автор», 2023

В этом мире судьба одаренной незавидна. Либо запечатывание магии и замужество, либо просто замужество, если силы невелики. А у меня сразу две проблемы. Мощнейший дар... И излишне настойчивый маг, возжелавший меня от него спасти. В тексте будут:- попаданка-фокусница- жаждущий жениться на ней маг- мошенники и обманщики всех мастей- детектив и бытовое фэнтези

© Нуар Н., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	36
Глава 9	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Нинель Нуар

Грани обмана

Глава 1

Яркие огни сверкают вдоль рампы, отвлекая зрителей от происходящего на манеже. На то и расчет.

Я дергаю за шнурок, в моих руках крошечным фейерверком рассыпаются искры. Подсветка гаснет, а когда снова включается, на растопыренных пальцах сидят шесть белоснежных голубей. Повинуясь беззвучной команде, они дружно взмывают под купол, чтобы вернуться домой, в теплый птичник.

Наверняка при этом про себя поминают дурных людей, вздумавших держать их в темном мешке битых полчаса, не самыми лучшими словами.

Мне копошащаяся пернатая группа в рукавах тоже никакого удовольствия не доставляла, так что тут квиты.

Шаг в сторону, щелкает застежка, и вместо глухого черного костюма я остаюсь в кокетливом алом купальнике с коротюсенькой символической юбчонкой. Папы в зале одобрительно выдыхают, мамы напрягаются. Детям все равно – они следят взглядами за кружащимися между закрепленными трапециями птичками.

– А теперь – самый сложный трюк! Эта милая девушка сейчас будет рисковать жизнью в ледяной воде! Обратите внимание, цепи самые настоящие! Не желаете ли проверить? – Мэтр Сильвестр, в миру Прохоров Иван Федорович, пошел вдоль первого ряда, предлагая детишкам потрогать блестящие металлические звенья.

Цепи-то настоящие, а вот замок на них с секретом. Но этого мы вслух не скажем никогда.

Заученная улыбка стала шире и искреннее. Это последнее выступление в качестве ассистентки. Уже на следующей неделе в программу включат мой личный, уникальный и неповторимый номер! Я буду уже не «милая девушка», а Шарлотта Великолепная!

Впрочем, пока моя задача – делать вид, что я счастлива лезть в заполненный под завязку водой прозрачный контейнер. А перед этим меня еще обмотают тяжелой цепью и навесят на нее замок.

Просто восторг.

Поскрипывая колесами, на сцену выехал реквизит. Коробка, в которой я буду топиться, проверена уже поколениями циркачей и абсолютно надежна. В случае чего, за кулисами дежурит наш бессменный врач.

Откачает, в этом я уверена.

Как и в том, что участвовать в шоу ему сегодня не придется. Не первый раз ныряю. Каждое движение отработано до мелочей, воздуха мне всегда хватает с запасом. Сама иногда удивляюсь. Не каждому пловцу удастся задерживать дыхание на три минуты с лишним, а у меня это выходит как-то само собой, без особых усилий.

На ногах закрепили платформу, по совместительству крышку коробки, навесили на нее внушительные замки – будто мало цепей на теле! – и под бурные аплодисменты подняли меня вверх тормашками над сценой. Оборки, изображающие юбку, упрямо топорщились вопреки законам тяготения, к разочарованию мужской части зрительного зала.

Цепи сдавливали руки, особенно в локтях. Я пошевелила пальцами, убеждаясь, что дотягиваюсь до крепления замка, и едва заметно кивнула начальнику. Мэтр принялся крутить лебедку, нарочито медленно погружая жертву в наполненную водой стеклянную коробку.

Прохладная жидкость коснулась макушки, и я выключила улыбку, набирая полные легкие драгоценного кислорода. Залило лицо, потом шею, купальник неприятно прилип к телу.

– А мы пока будем считать! – радостно объявил мэтр Сильвестр, с несколько садистским удовольствием наблюдая, как я неторопливо погружаюсь в прозрачный куб.

Его голос доносился до меня приглушенно, да и не интересовали меня звуки. Я сконцентрировалась на том, чтобы правильно держать торс, ближе к задней стенке, отмечая про себя секунды.

Как только моя голова касается дна, задерживается шторка – и начинается волшебство.

– Рааааз! Двааа! – хором тянул зал послушно, пытаюсь разглядеть сквозь плотную занавесь, как именно я буду вылезать.

Ноги вышли из креплений сами – те автоматически отщелкиваются, как только крышка становится на место. Пальцами ног я ловко и быстро вытащила из петель втулки, небрежно уронив их обратно в воду. Все, огромные висячие замки могут продолжать висеть снаружи в качестве декорации – путь на свободу открыт.

Точно так же я нейтрализовала цепи. На то, чтобы их размотать в замкнутом пространстве, ушло драгоценных полминуты, но если этого не сделать сейчас, я не смогу выбраться. Места не хватит, чтобы согнуться пополам.

В этом фокусе самое важное – гибкость. После умения задерживать дыхание, разумеется. Я подтолкнула ногами крышку.

Отчего-то в этот раз она не отлетела в сторону, болтаясь на канате как обычно, а неспешно отплыла. Странно. Поменяли канат?

Напрягая пресс, извернулась в коробке и рванула наверх, туда, где ярко светил софит.

Слишком ярко.

И слишком далеко.

Вспоминая и прокручивая раз за разом этот эпизод, я так и не сумела сообразить, в какой момент произошел роковой переход.

Когда разматывала цепи? Еще подумала, что стенки мне почти не мешают.

Когда изогнулась, готовясь хвататься за борта коробки и не находя их?

Не знаю.

Однако факт неумолимая штука.

Нырнула я в родном мире, а вынырнула в чужом.

Дошло это до меня, правда, далеко не сразу...

Вместо стеклянного куба я каким-то невероятным образом оказалась в небольшом озере. Вокруг вода, внизу ил и коряги, наверху солнце, а никакой не софит. Я чуть не заорала от паники, но вовремя сообразила, что тогда точно наглотаюсь мутноватой жидкости.

Дно было недалеко, прямо под ногами. Никаких следов реквизита, сцены или зрителей.

Меня что, накачали чем-то и бросили в озеро? Если это чья-то шутка, то совершенно не смешно.

Или я не успела вынырнуть вовремя и сейчас ловлю глюки, пока наш док надо мной колдует?

В два гребка я достигла поверхности и забарахталась, с хрипами восстанавливая дыхание. Легкие обжог душный, знойный летний воздух. Чувство, что я на курорте, а не в морозной зимней столице. Это куда же меня занесло-то? Или занесли?

Кроме дурацкого розыгрыша или комы, других объяснений происходящему у меня не было.

Солнце слепило глаза с непривычки, не позволяя толком осмотреться.

– Мейс наван! Мейс ли наван! – заверещал детский голос неподалеку.

Я рефлекторно повернула голову в ту сторону и оторопела.

Кажется, здесь снимают исторический фильм.

На берегу лужи, в которой я бултыхалась – небольшой, размером с цирковую арену, может чуть меньше – собралась группа детей в забавных одинаковых платьицах с аккуратными передничками. У самых младших из-под подола виднелись белоснежные носочки. Лифы застегнуты под горло, а выше – кружевные воротнички, торчащие колом. Ни сантиметра неприкрытого тела, кроме ладоней и лиц. А еще зонтики в руках сопровождавших этот детский сад двух дам. Огромные кружевные полотнища на палках. Как им не тяжело, бедным?

Я огляделась в поисках камер и съемочной группы, но вокруг был лишь ухоженный парк с ровными дорожками и рядами деревьев, как по линейке. Невдалеке виднелся забор, полускрытый цветущими кустами. Похоже, частная территория.

Делать нечего, не сидеть же в воде. Надеюсь, меня не арестуют за посягательство на чужую водную собственность. Я подплыла к живописной стайке юных барышень и выбралась из озера. Дети захихикали, отворачиваясь, и украдкой тыча пальцами в мою сторону.

– Ансунэ! – поморщилась одна из взрослых актрис, помогая мне подняться. Девочки снова зашептались, но быстро стихли под укоризненным взглядом воспитательницы.

Пальцами, правда, продолжали на меня украдкой показывать. И было отчего.

На мне все еще красовался мой шикарный купальник для выступлений. Кокетливая юбочка, скорее напоминавшая пышную оборку, топорщилась во все стороны. Окружившие же меня особы в возрасте от пяти до пятидесяти все, как одна, щеголяли в длинных, в пол платьях.

И тут я, красивая такая.

Боюсь представить, что обо мне подумали.

– Кас! – шикнула еще раз на мелочь женщина, со вздохом стянула с себя плотную накидку и обернула вокруг моих плеч.

Вовремя. Меня как раз начало познабливать, не столько от холода (жара стояла по-настоящему летняя, градусов тридцать, не меньше!), сколько от нервов. Вымолвить вслух ничего не получалось. Зубы клацали так, что я боялась прикусить язык. Молча пошла, куда повели. Дама, занимавшаяся мной, придерживала сквозь ткань мой локоть, то ли чтобы я не споткнулась, то ли чтобы не сбежала.

У меня зарождались страшные подозрения, что ни о какой скрытой съемке не идет и речи. Вокруг разговаривали на незнакомом языке – а уж я-то, побывавшая с гастролями в половине стран мира, могла определить на слух с дюжину наречий и их диалектов. То, что я сейчас слышала, звучало совершенно непонятно и непривычно. Больше всего меня поразила царящая вокруг тишина. Не было никаких звуков кроме детских голосов, птичьего щебета и шороха мелкого щебня под ногами. Я будто частично оглохла.

Зато поняла, что точно не сплю и не в коме. Камешки под ногами впивались в босые ступни, заставляя нечленораздельно шипеть от боли. Все происходящее – реальнее некуда!

К счастью, идти было недалеко.

Мы свернули на очередную аллею, и перед нами возникло белоснежное здание, похожее на усадьбу начала позапрошлого века. Из приоткрытой парадной двери выбежала девушка в униформе, отличавшейся цветом и качеством в худшую сторону. Темно-серая ткань, черный передник и черная же кружевная накладка на тугий пучок рыжеватых волос. Все явно много раз стираное. Но неизменно – почти в пол!

Наверное, служанка.

Сдав меня с рук на руки прислуге, дама развернулась к детям и повелительно, негромко что-то произнесла.

Девочки моментально разбились на пары, но за ручки не взялись. Держали расстояние в полшага. Такой вот стройной колонной и посеменили обратно в парк. Юные гвардейцы, охраняющие мавзолей, не иначе. Только они не топали, как на параде, а мелко переступали, почти как гейши.

Мы со служанкой уставились друг на друга в одинаковой панике. Она понятия не имела, что со мной делать, я судорожно соображала, как узнать, где я вообще.

Зубы мои продолжали стучать.

Наконец до нее дошло, что я насквозь мокрая и промерзшая. Она всплеснула руками, ухватила меня за укрывавшую до колена ткань плаща и куда-то потащила. Не в дом, а вокруг него.

Я последовала за ней, а что делать?

Как оказалось, направлялись мы к черному ходу. Наконец-то я слышала новые звуки, кроме собственного дыхания и наших шагов. Чем ближе мы подходили, тем отчетливее звенела посуда, стучал по доске нож и похрустывали нарезаемые овощи. Двери стояли распахнутыми, из них тянуло раскалённым воздухом – даже по сравнению с жарким летним днем внутри была настоящая душегубка.

Вместо того чтобы идти на кухню, меня провели в небольшую подсобку, абсолютно пустую, с гладким бетонным полом. Лишь у стены стояло несколько больших металлических тазов, а рядом с ними две колченогие, разошедшиеся табуретки. Похоже на помывочную или комнату для стирки. Над головой натянута веревка, параллельно друг другу, штук пять. Наверное, для сушки белья в дождливую погоду. Сейчас они все пустовали.

А еще в углу обнаружилась большая, покрытая налетом и ржавчиной металлическая раковина с длинным краном и ручной помпой, как в деревне, чем очень меня порадовала. Раз тут есть зачатки водопровода, то и все остальное появится. Дело времени.

Девушка, сопровождавшая меня, жестами показала ждать тут, и убежала куда-то.

Я осталась в одиночестве. Обошла небольшую комнату по периметру, трогая шершавую поверхность местами облупившейся штукатурки.

Точно ведь не глюк. А значит, я попала. Куда, в какие времена, и что здесь за нравы, мне еще предстоит выяснить. Как и вопрос, смогу ли я вернуться домой. Не хотелось бы застрять в этом непонятном мире навсегда. Пожалуй, стоит попробовать потом снова нырнуть в то озерцо и поискать на дне. Вдруг там где-то портал обратно? Как-то же я сюда попала...

Нерешительно стянула чужой короткий плащ, удивительно плотный для такого теплого денька, повесила на крючок у косяка. Помедлив, прикрыла дверь, снабженную защелкой, и обнаружила на обратной ее стороне зеркало. Без рамы, просто отражающая мою неземную красу полоса стекла размером с раскрытую книгу.

Автоматически подняв руки, проверила шевелюру. Блондинистый парик держался намертво. Отличная фирма, молодцы китайцы. Даже не растрепался после всех передряг, кудри все еще лежали безупречно и почти просохли.

Всемогущая синтетика.

Зато мои собственные волосы, стянутые сеточкой, неприятно хлюпали.

Снимать парик прямо сейчас я не решилась. Непонятно, куда меня занесло, и что они подумают о человеке, зачем-то изменяющем свою внешность.

Сама не знаю, с чего во мне проснулась подобная осторожность. Интуиция вопила благим матом и не очень благим тоже, подсказывая, что ни о каких съемках и костюмированных вечеринках, как, впрочем, и о розыгрышах, речи не идет. Я действительно попала то ли в другой мир, то ли в прошлое, и лучше мне не отсвечивать, если не хочу оказаться на костре. Кто их тут знает, как они к пришельцам относятся.

Пока что меня не обижали, хотелось бы в таком же духе и продолжать.

Жаль, что я в свое время мало читала про попаданок. Предпочитала всегда литературу по специальности или чему-то смежному, вроде химии и физики. «Фокусник должен быть немножко мошенником, немножко алхимиком и отличным актером», – говорил мой преподаватель по иллюзии, Евгений Палыч. Вот, настала пора применить мое самое развитое качество – умение притворяться и сливаться с окружающей средой.

Главное, чтобы меня не заподозрили в том, что я не местная. А потому я решила молчать. Совсем. Пусть думают, что я немая, раз я все равно с ними объясниться не могу. Лучше посчитают дурочкой, туповатой, не понимающей простейших вещей, чем сдадут на опыты в какие-нибудь секретные структуры.

Глава 2

С трудом волоча ведра, от которых поднимался теплый парок, в помывочную ввалилась служанка и развила бурную деятельность. Водрузила на полку целую стопку тканей самых разных фактур, отложила в сторону светло-серый отрез полотна. Целая простыня – скорее всего, вместо полотенца.

Затем поставила один из тазов в середине комнаты. Понятно, мне в нем мыться придется – вместо душевой.

Достала с полки черпак, накачала в него ледяной воды из-под крана, добавила в ведро – в общем, провела тот набор действий, который всегда совершала моя бабушка, когда у нее в доме отключали горячую воду. Несмотря на все настояния отца, она так и не согласилась поставить бойлер и мучилась подобным образом на даче каждое лето.

И я, пока была маленькая – вместе с ней.

Тогда мне казалось это забавным приключением, а сейчас все эти приготовления лишь еще раз напомнили, что я больше не дома.

Девушка обернулась на меня, ее глаза забавно вытаращились. Она протараторила что-то, старательно отворачиваясь, и протянула длинную белую сорочку. Это что, после мытья надеть? Я благодарно улыбнулась, стянула купальник, положила его на одну из полок, рядом пристроила предложенную одежду, и забралась в тазик.

Девица снова взглянула на меня, ахнула, отчего-то заалела еще пуше, будто голых женщин никогда не видела, сунула мне в руки черпак и выбежала, захлопнув за собой дверь.

Кажется, мы друг друга не поняли, задумчиво констатировала я. Мне казалось, она хочет помочь мне помыться...

Я вылезла из тазика, на всякий случай закрыла дверь на щеколду, стянула почти сухой парик, ополоснула его и разложила на полке – пусть проветрится как следует, а то тиной пахнет. С чувством, насколько позволял черпак и быстро остывающая вода, ополоснулась, особое внимание уделив настоящим волосам. Шампуня я не нашла, а резко пахнущим рыбой бруском мыла пользоваться не рискнула. Для тела еще куда ни шло, а родную шевелюру убивать чем-то вроде просроченного хозяйственного – дурочек нет.

Список того, что мне нужно выяснить, рос с каждой минутой.

Как я здесь буду выживать? Я же не знаю элементарных вещей!

Как выглядит шампунь?

Чего так напугалась служанка?

Что я делаю не так?

Хотя, лучше наверно спросить, что я делаю так. Не успела попасть, как уже напортачила, где могла.

Хотелось сесть прямо на пол и заплакать, но я сдерживалась из последних сил. Стоит начать себя жалеть, уже не остановишься, а мне нужно как-то устраиваться в этом непонятном новом мире, если я хочу вернуться домой, а не сгинуть в ближайшей подворотне. Может, мне позволят остаться в этой усадьбе? Место кажется приличным, похоже на школу для девочек. Заодно можно будет поучиться вместе с ними.

Что-то мне подсказывало, что на открытие портала в озере можно сильно не рассчитывать. Хотя от идеи нырнуть и изучить дно я отказываться не собиралась. Вдруг не заметила чего с перепугу...

Я быстро вытерлась, натянула оказавшуюся довольно короткой сорочку и принялась перебирать стопку одежды, пытаюсь понять, что именно мне нужно дальше надевать. Получа-

лось многовато, учитывая жару, но выбирать не приходилось. Я же хочу не выделяться, а если выйду отсюда в одной нижней рубашке, меня точно в дурку отправят. Или что здесь за нее?

А то и куда похуже.

Трусов мне вовсе не предложили, зато поверх рубашки пришлось застегнуть пояс для чулок. Ностальгия по бабушке всколыхнулась с новой силой: по строению крепления точь-в-точь походили на те, что остались со времен ее молодости и до сих пор хранились в дальнем ящике вместе с поясом и полупрозрачными нейлоновыми чулками, щедро пересыпанные лавандой. Мне иногда позволяли их доставать и разглядывать.

Только те уже успели пожелтеть от старости, а эти выглядели сравнительно новыми. Так что я довольно ловко раскатала по ноге оба хлопковых чулка и закрепила их на бедрах.

Обувь не принесли, и следующим я надела корсет. Он оказался удивительно мягким и удобным, застегивался впереди и походил бы на жилетку, только форма подкачала – он заканчивался прямо под грудью. Бюст теперь заманчиво выпирал из натянувшейся рубашки. Выглядело даже миленько и призывно, если бы не глухой ворот аж до ключичной ямки.

И не полагающееся сверху платье.

Лично мне оно показалась совершенно лишним, мне уже было жарко, но хочешь жить – умей подстраиваться. Так что облачилась и в него. Мелкие пуговички под самый подбородок скрыли все прелести, подчёркнутые корсетом, смягчив силуэт. Подол закрывал щиколотки и с непривычки путался в ногах.

Теперь я похожа на местную работницу, передника только не хватает.

Стараясь осторожно ступать по влажному полу в чулках и избегать крупных луж, я подошла к двери, открыла ее и выглянула в поисках служанки.

Барышня уже выглядит прилично.

Теперь бы кто подсказал, что дальше делать?

Девушка, к моему облегчению, далеко и правда не убежала. Мялась прямо под дверью, то и дело поводя носом в сторону кухни. Проголодалась, поди.

Заметив меня, она снова покраснела и, стараясь держаться на почтительном расстоянии, махнула рукой, мол, следуй за мной.

Я послушно последовала, медленно и аккуратно, чтобы не поскользнуться. Пол был покрыт линолеумом и доверия не внушал*. Мыли его явно кое-как и изредка.

Служанка провела меня по первому этажу и направилась к лестнице. Я глазела по сторонам, стараясь делать это незаметно. Ни одного электрического прибора или провода. Ни одной розетки. Мебель выглядела достаточно просто, и в то же время добротной, обивка была перелатана несколько раз, однако содержимое нигде не торчало. Бедно, но аккуратно.

А вот с уборкой у них проблемы: вековую пыль на подоконниках было видно невооружённым глазом.

На втором этаже оказалось почище и побогаче. Сразу ясно, где обитают господа. Точнее, дамы – ни одного мужчины я не заметила.

Подойдя к одной из дверей, девушка бегло постучала, дождавшись недовольного возгласа, приоткрыла дверь и бесцеремонно подтолкнула меня в спину. Я не стала сопротивляться и зашла.

Здесь по сравнению с остальными виденными мною помещениями было просто роскошно. Окна украшали тяжелые шторы, собранные причудливыми складками и бантами, пол закрывал ворсистый ковер, а массивный стол сверкал, будто только что отполированный.

За ним восседала дама, та самая, что помогла мне выбраться из водоема.

Она недовольно обозрела меня, потом нацепила монокль и еще раз пробежалась взглядом по моей фигуре, сверху вниз.

Я занервничала.

Вдруг я что-то не так надела? А служанка застеснялась – в очередной раз – и не поправила?

– Мейс а ли та? – с ударением на последнее слово поинтересовалась она.

Я чуть было не позабыла о собственном решении молчать и открыла рот, но тут же его поспешно захлопнула и развела руками, не забыв глупо улыбнуться.

Блаженная, что с меня взять. Говорят, в древности таких почитали.

Почитать меня не надо, главное на улицу чтобы не выбросили. Что я буду тут делать? Куда пойду? Не говоря уже о том, что у меня озеро не обследовано. Мне еще дорогу домой искать!

– Мейс а чи ринни? – нахмурившись еще внушительнее, спросила дама.

Я улыбнулась шире.

Владелица кабинета перевела суровый взгляд с меня на служанку и принялась ее негромко, но с чувством отчитывать. Девушка вяло пыталась оправдаться, а потом и вовсе замолкла, то и дело неприязненно поглядывая на меня.

Прости, милая, но я честное слово не знаю, чем тебе помочь. Кто бы мне помог. Например, вложил в голову знание местного языка! В тех немногих книгах, что я читала о попаданках, они всегда сразу магическим образом разбирались в лексике, обычаях и традициях нового мира, и ни разу не ошибались, как величать принца или графа.

А тут еще неизвестно, есть ли принцы и графы.

Или магия.

Пока что ни одного признака ее существования я не заметила. На столе стоял самый обычный подсвечник с тремя желтоватыми свечами – никаких сияющих шаров или висящих в воздухе огоньков.

Дама повысила голос, поглядывая на меня, и я поняла, что пора вмешаться. Быстро-быстро заморгала, преданно уставившись в одну точку сразу за ее плечом, и на глаза навернулись слезы. Доигрывая до конца, я скривила рот, будто с трудом сдерживаю рыдания, и шумно втянула носом воздух.

Хозяйка кабинета оборвала тираду на полуслове и уставилась на меня. Я – на нее, распахнув покрасневшие от недавнего плавания глаза и прерывисто дыша.

– Мейс а сирим? – сомневаясь, протянула дама.

Я обернулась на служанку, та едва заметно кивнула.

Истово надеясь, что мне сейчас не предложили выметаться немедленно, я поспешно закивала. Кажется, все сделала правильно, потому что дама немного расслабилась и откинулась на спинку кресла.

– Тэ! – она взмахнула рукой, отсылая нас. Это я и без перевода поняла.

Служанка дернула меня за рукав и вытащила в коридор. Начала было что-то тараторить, но покосилась на мое непонимающее лицо, замолкла, снова ухватила за рукав и повела за собой.

Я постепенно привыкала ходить за ней, как баран на веревочке.

Какая разница, куда. Главное, не на улицу!

Уже через неделю я выучила основные глаголы: есть, спать, убирать, пошла вон.

А еще, что я – ансунэ, то есть падшая женщина.

Но получившая за грехи наказание в виде немоты и вроде бы раскаявшаяся, а потому допущенная в святая святых – пансион для юных девиц на выданье.

Ну, как допущенная... Мне выделили комнатку в самом дальнем углу флигеля для прислуги, у чёрного хода и наказали не отсвечивать. Жестами. Я не жаловалась – поближе к выходу, поближе к кухне, у самой помывочной, то есть зимой будет тепло и за водой недалеко бегать.

Языка я не понимала вообще. Мне пришлось учить его с нуля, медленно и тяжело, причем на слух, потому что садиться за парту вместе с детьми мне никто не позволил, а заниматься отдельно тем более не спешили.

Ведь кроме «ансунэ» я была еще и «дунда» – то есть дурочка. Сколько Верити, служанка, помогавшая мне в первый день моего появления, ни пыталась со мной объясниться, как ни бились кухарка и ее помощницы – я лишь разводила руками и глупо улыбалась. Не понимаю простейших вещей, тупа как пробка.

То, что я просто не знаю языка, им в голову не пришло. Городок располагался в такой глуши, что иностранцы сюда никогда не доезжали. Нечего им здесь делать – ни производств, ни секретных объектов, ни маломальского культурного центра. Да и любой турист обычно сносно объяснялся на сандарском.

Сандар – так называлась страна, в которой я оказалась. Больше всего она напоминала викторианскую Англию, в самом ее пуританском проявлении. Нескоро я поняла, что рубашку мне предложили во время мытья не для того, чтобы одеться после – нет, я должна была в ней и купаться, дабы не смотреть на греховную плоть.

Мне безумно повезло, что пруд, в котором я вынырнула, располагался на территории пансиона. Окажись я в центральном парке, меня тут же сдали бы в полицию. Что там делают с продажными женщинами, тем более проклятыми высшими силами, не хочу даже думать. Воображение у меня богатое.

А так – приютили, кормят два раза в день, зарплату назначили. Прямо скажем, невеликую, но почти как у остальных. Мне вполне хватило на запасное платье и набор нижних рубашек. И обувь! Как оказалось, ее здесь делали исключительно индивидуально, по ноге, так что пришлось разориться на две пары – домашнюю и уличную. А еще скоро придется зимнюю заказывать!

Парик я спрятала как могла – под кровать. Обработав, просушив, и заплетя на нем несколько плотных кос, чтобы лучше хранился. Чтобы не демонстрировать натуральный цвет волос, каждое утро тщательно заматывала голову длинной полосой ткани. Изнашивать ценный маскировочный элемент я не собиралась, а если буду натягивать его каждое утро, надолго его не хватит. Тут никаких средств по уходу нет! Тем мылом, что лежало в общем доступе, я стирала по мелочи, но мыться брезговала. От одного раза мне всю кожу высушило так, что я еще неделю чесалась.

Другие служанки мелочами не заморачивались, стирали исподнее раз в неделю, и то не всегда, а на меня, регулярно таскающую в комнату тазик с мочалкой, посматривали косо, но молчали.

Нижнее белье я прикупила в лавке в городе, как только научилась понимать, когда со мной здороваются, а когда посылают подальше. Владелица лавки посмотрела на меня косо, но вещички продала. Лишь потом, много позже, я поняла причину ее странного взгляда. Оказывается, здесь считали, что приличным дамам ничего под юбкой носить не полагается, а прикрываются там только женщины не слишком тяжелого поведения.

Собственно, ансунэ.

Городок Тормот представлял собой классический образец глухой провинции Сандара. Да, наверное, любой провинции. Мое внезапное появление в пруду обсуждали около месяца, пока кумушки не постановили, что я верно намеревалась утопиться, устав от жизни во грехе. Но Высший милостив, и меня спасли. Местрис Осборн, управляющая пансионом, грелась в лучах славы и скромно отвечала, что не могла поступить иначе, ведь долг любой уважающей себя леди – помогать страждущим.

О долге и приличиях местные обитательницы могли рассуждать часами. Больше им, по хорошему, и обсуждать-то было нечего. Погоду, урожай, неудачное платье местрис Тинд, в котором она имела несчастье появиться на дне рождения мэра, ну и вот их – приличия.

Самым главным для женщины была, разумеется, добродетель. После нее – самоконтроль и сдержанность. Истинная леди никогда не поднимет голоса, не засмеется громко, не будет верещать от ужаса. Ее должно быть видно, но не слышно.

Но и внимания слишком много привлекать ей тоже не положено!

Все это я могла наблюдать и не выходя в город – на так называемых уроках.

Меня пристроили в пансионе к уборке. Поначалу я не слишком этому обрадовалась – с детства ненавидела возиться с тряпкой. Но быстро смекнула, что таким образом у меня появился доступ практически во все помещения. Что я тут делаю? Убираюсь, разумеется. Вот ведро, вот веник, вот и тряпка.

А если я очень часто намываю одно и то же место по полчаса под дверью комнаты, в которой идут занятия для младшей группы, так там сильно пятно въелось. Еле оттерла.

Как ни странно, линолеум был изобретен в середине 19 века, то есть довольно давно. А резиной пол выстилали еще раньше. Автор сама удивилась.

Глава 3

Уроками то, что происходило в пансионе, назвать можно было с большой натяжкой. В девочек вдалбливали целую систему, которой они обязаны были соответствовать. А иначе их никто никогда не возьмет замуж – что, само собой, страшная трагедия.

То есть, скажем, географии и истории их никто не учил. Зачем? Им в жизни это никак не пригодится, если цель – выгодная партия. А вот разбираться в тканях, организовать прием на сто персон или отличить хаконовское кружево от эльрекского – это да, это полезные навыки.

По крайней мере бытовую лексику я осваивала на этих тайных занятиях просто отлично. Натирала линолеум до блеска и бубнила себе под нос самые распространенные выражения. Легче всего оказалось запоминать сразу целыми фразами. Я так и зубрила: «Доброго дня, пусть над вами смилостивится Высший», «Благодарю, вы очень помогли», «А теперь принесите настоящий шелк».

Ко мне все привыкли уже через месяц, к тому же случилось новое событие, предоставившее обществу тему для обсуждения за чаем – сгорел сарай в усадьбе мастера Филпса. Лето выдалось жарким и засушливым, вот солома и полыхнула. К счастью, обошлось без жертв.

Так что про найденную в озере девицу неясного происхождения все благополучно позабыли. Я же искусно сливалась с окружающей средой, стараясь не привлекать внимания. Разве что мылась чаще остальных, но этого кроме моих ближайших соседок по комнатам никто и не замечал. А так – вставала с рассветом, как все, и отправлялась драить этажи.

Раз в неделю девочкам-ученицам полагался выходной. Мне такой роскоши никто не предоставил, как и остальным служанкам, так что в эти дни, пользуясь тем что классы пустуют, я мыла столы, выгребала паутину из углов под потолком, и втихаря подглядывала в учебники.

К сожалению, читать я тоже не умела. Загогулины разной длины сливались для меня в одну сплошную линию, без малейшего признака смысловой нагрузки. Спросить было не у кого, а научиться самой... в теории, наверное, возможно, но с какой стороны к этому подступиться? Тут нужен хотя бы букварь и кто-нибудь, готовый прочесть мне его вслух. Спросить я ни у кого не могла, продолжая отыгрывать роль немой дурочки.

Так бы я и маялась, если бы не случай.

Больше всего я ненавидела сидеть в комнате без дела. Честно сказать, предпочитала шататься по этажам с тряпкой и ведром, чем лежать на жесткой узкой койке, бездумно вперившись в сероватый потолок. Сразу наваливалось осознание того, что я застряла в этом странном мире без малейшей возможности вернуться.

И да, озеро я проверила. Мало того, недели две спустя после моего попадания оно обмелело из-за жары настолько, что его можно было пересечь вдоль и поперек, слегка подбрав юбку. Вода не достигала и колена. Ил неприятно хлюпал под ногами, я потом еле оттерла ступни от зеленоватого налета, но больше ничего из обследования не вынесла. Стеклообразного куба на дне не нашлось, портала тоже.

Вывод: я застряла тут насовсем. А значит, нужно обживать, зарабатывать репутацию и деньги и усиленно учиться. Оставаться всю жизнь на положении служанки мне совершенно не хотелось, а чтобы пробиться куда-то наверх, нужно представлять себе куда именно ты хочешь.

Пока что же я старалась не выделяться и молча драила отведенную территорию – то есть весь центральный флигель пансиона, сверху донизу. После того, как я взялась за дело всерьез, первый этаж засиял чистотой, да и все остальные радовали глаз.

Обходя в очередной раз здание, я наткнулась на неприметную дверь на самом верху, под крышей. Ее давно не открывали, увесистый замок порядком заржавел, а на петлях повисла вездесущая паутина.

Скорее всего, там был склад старых вещей, и мне пришла в голову неожиданная мысль. А что, если там хранится что-то полезное?

Нет, красть у людей, приютивших меня в трудную минуту, я не собиралась. А вот позаимствовать что-нибудь ненужное, на время – почему нет? Близилась осень, по ночам уже холодало, и, несмотря на то что стена моей комнаты вплотную прилегала к кухне, ближе к утру я просыпалась, клацающая зубами. И ведь обогреватель не включишь! Так что если вдруг за дверью обнаружатся залежи постельного белья, я бы не отказалась от запасного одеяла.

На то чтобы вскрыть замок, у меня ушло три минуты. Я досадливо цыкнула зубом. Пальцы теряют сноровку, надо бы снова начать тренироваться! В былые времена я такие игрушки ломала секунд за сорок.

Хорошо, мне хватило ума смастерить в первые же дни примитивную швабру из рогатины, так что руки я в грязной воде полоскала по минимуму, а после уборки обильно мазала их маслом. Крошечный флакончик обошелся мне в половину недельной зарплаты, но лучше я поголодаю, чем лишусь главного рабочего инструмента – ловких пальцев.

Воровато оглядевшись и убедившись, что на этаже никого, я потянула на себя тяжелую створку.

Она поддалась неожиданно легко и почти беззвучно. Я-то уже морально приготовилась к душераздирающему скрипу!

По ту сторону было темно и тихо.

Я шмыгнула внутрь, втянула за собой рабочий инструмент, чтобы не маячил в коридоре, и плотно закрыла дверь. Глаза постепенно привыкли к полумраку, и я различила узкую лестницу, уходящую почти вертикально вверх. Больше ничего в каморке не было, так что я полезла наверх, путаясь в юбке и костеря вполголоса местную моду.

Чердак встретил меня ровным слоем пыли и многочисленными пауками, при моем появлении порскнувшими в разные стороны. Восьмилапые потрудились на славу – все поверхности были плотно затянуты белесыми сетями.

Первый же шаг поднял в воздух густые клубы мельчайшей трухи. Я расчихалась, всполошив пыль окончательно, и закрыв лицо рукавом, поспешила к окну. Маленькое, у самого пола, оно скорее напоминало форточку. Я распахнула ее и прижалась лицом к узкой щели, жадно втягивая теплый вечерний воздух.

Платье после всего точно придется стирать.

Отдышавшись, я поднялась и огляделась.

Сквозняк чуть улучшил обстановку, разогнав пыль по углам. Стал виден узор на деревянном паркетном полу – надо же, не линолеум!

С некоторых сундуков сдуло грязь и паутину.

К ним-то я и подошла в первую очередь.

К моему величайшему разочарованию, в первом обнаружилась посуда. Тщательно завернутый в десятки слоев вошеной бумаги, тончайший фарфор светился в темноте мягким молочным сиянием. Дорогой, наверное. Я с сожалением положила крошечную чашечку обратно. Толку мне от нее ноль, а вот проблем, если что, не оберешься.

Следующий сундук тоже не принес ничего полезного. Скатерти и тканые салфетки, а также тончайшие тюлевые занавески с обработкой по краю. Хоть сейчас вешай.

Я вспомнила плотные, грубые шторы на окнах всего пансиона. Получается, когда-то их украшали вот эти невесомые прелести.

Не ожидая увидеть ничего особенного – очередной набор для кухни – я откинула еще одну крышку, и глаза у меня загорелись.

Там ровными стопками, вплотную друг к другу, лежали книги. Сотни две, не меньше. Прочитать названия я не могла, но судя по одинаковому оформлению и размеру, то было либо

собрание сочинений, либо серия-многотомник. Да пусть хоть дамский роман, главное – можно будет попробовать разобрать буквы!

Чтение в пансионе не поощрялось.

Девочек учили письму и счету, я частенько слышала, как класс дружно тянул за наставницей гласные, но подсмотреть, увы, не выходило. Учебные комнаты располагались на втором этаже, в окошко не заглянешь, а дверь всегда держали плотно закрытой. Библиотеки, как ни странно, тоже не было во всем пансионе.

Не представляю, как они во время учебного процесса обходились без справочников! Наверное, в личных комнатах наставниц все же хранилась специальная литература по их предмету, но не буду же я лазить по чужим комнатам! Флигель, где жили воспитанницы и их преподавательницы, убирала другая служанка. Мне достался центральный корпус в три этажа, с классами, покоями заведующей и подсобными помещениями вроде кухни.

К счастью, кухню тоже убирала не я – мне подобную честь не доверили. Тем, кто чистил кастрюли и столы, доставались объедки с барского стола. Если бы я и голодала, на такое не соблазнилась бы.

Брезгливость и инстинкт самосохранения бдили.

А вот по тетрадкам учениц я бы пошарила, но увы – мне в их флигель ход был закрыт. За тем, чтобы служанки не шлялись где ни попадя, бдительно следили – коллеги в том числе – и нарваться на наказание мне не улыбалось.

Не били, конечно, но из зарплаты штраф вычесть могли, а она и так не безразмерная. Или же могли отправить к святому отцу в церквушку, каяться, что тоже не вдохновляло.

Обнаруженным книгам я безмерно обрадовалась, вытащила первый попавшийся томик и попыталась его открыть.

Безуспешно.

Удивившись, я подергала за корешки сильнее. Ноль реакции. Их словно склеило невидимой силой. Может, слиплись от времени? Видно, что издание довольно старое.

Отложив непослушную книгу в сторону, я попыталась открыть следующую. То же самое.

Хотелось уже плюнуть на странное поведение фолиантов и закрыть крышку, но упёртость всегда была моей отличительной чертой. Не в моем характере так просто сдаваться! Нахмурившись, я положила неподдающиеся тома на пол и потянулась за новым. Потом еще за одним. И еще.

Пока шестой по счету наконец-то распахнулся.

Книга открылась запросто, так что я чуть не уронила ее от неожиданности.

Внутри почти не было картинок, только что-то напоминающее формулы и графики перемежало убористые линии текста. Похоже на учебники по высшей математике – я в них тоже никогда ничего не понимала.

Зато сестра понимала.

Потому она всегда была умная, а я... не слишком красивая, зато умело красилась.

Тряхнув головой, я отогнала неуместный приступ ностальгии. Если начну вспоминать, буду рыдать. Проходили. А мне выбираться из этой дыры надо!

Положив ценный открывающийся томик отдельно, поближе к выходу, я принялась ожесточенно перебирать сундук. Вскоре рядом со мной высилось две неравные кучки. Какие-то книги дублировались, повторы я убирала к «запертым».

Открылось всего лишь двадцать шесть из более чем двухсот. Негусто. Но куда больше, чем я рассчитывала вообще найти. Я-то нацеливалась на одеяло, а обнаружила нечто гораздо ценнее! Вряд ли кто-то их хватится в ближайшие несколько лет, судя по слоям пыли и паутины на сундуках.

Обшаривать остальные лари времени не было. И так я тут долго провозилась, время двигалось к ужину, меня скоро хватятся – за выполнением работы следили, пусть и не слишком

пристально. Халтурить и возить по одному месту тряпкой получалось лишь до определенного предела, после которого следовал выговор.

Я его понимала с пятого на десятое, в основном по жестам и интонации, но реакции от меня никакой и не требовали. Разве что смиренно опущенных глаз и тяжких вздохов.

Аккуратно сложив не открывшиеся книги обратно, я оглядела стопку улова. Все их я за один раз точно не утащу. Все равно собиралась возвращаться на чердак – у меня еще дюжина сундуков не обшарена, вдруг там где-то еще книги, или хоть одеяло?

Даже не знаю, чего больше хочется, материального или духовного.

Спрятав отобранные тома с глаз долой за ближайший ларь, я подхватила два из них подмышку и поспешила вниз. Чуть не сверзилась с лестницы, осторожно приоткрыла дверь и проверила коридор. Никого.

До комнаты я добиралась, оглядываясь и вздрагивая от каждого шороха, перебежками. Мне совершенно не хотелось, чтобы меня застучали в таком грязном и пыльном виде. Поди объясни еще, где я так изгваздлась. Вдруг на чердак ход прислуге запрещен?

В своей комнате я всегда держала два кувшина с водой. Один с питьевой, а второй чтобы ополоснуть руки и лицо после работы.

Гигиена здесь соблюдалась, но как-то избирательно. То есть в принципе удобства имелись, та же помывочная, уборная – по три кабинки на этаж, примерно в одной части здания, наверняка объединенные одной сливной системой. А вот пользоваться ими служанки не спешили. Не раз и не два я видела их, несущих характерные вазы с крышечкой по направлению к выходу. Про стирку раз в месяц, при хорошем раскладе, я вообще молчу. И это летом, когда тепло! Что же они зимой делать будут? Ждать весны, чтобы ополоснуться?

Кухня чаще сияла чистотой, так что ела я без опасений. Старшая кухарка была той еще занудой и аккуратисткой. Ее тихо ненавидели, я же искренне уважала: она железной рукой наводила порядок и заставляла всех драить тарелки и споласкивать их, а не просто протирать насухо после еды.

Да-да, и такое бывало!

Служанку, допустившую эту досадную промашку, ругали долго и с чувством, а она, как мне показалось, искренне недоумевала – за что?

В общем, прогресс в это захолустье добрался, а культура еще пока нет.

Переодевшись и помыв руки, я поспешила на ужин. Запахи в комнату просачивались упоительные. Кажется, на десерт сегодня пудинг, или что-то молочно-ванильное!

С выпечкой, увы, тут была напряженка.

Сахар отчего-то полагали вредным для женского организма, особенно растущего, а потому десерты в основном состояли из нарезанных фруктов, молочных каш, в которые можно было добавить чуточку меда, и крайне редко – киселей или пудингов. Сегодня, судя по аромату, нас ждет настоящее пиршество, возможно, даже с изюмом!

Две книги я, недолго думая, запрятала под матрас. Гости ко мне не ходили, следов проверок-обысков я тоже не заметила. Постараюсь разобраться с буквами как можно скорее и положу все на место, никто и не узнает ничего!

Глава 4

Пожалуй, за полтора месяца пребывания здесь я еще никогда не желала так сильно, чтобы ужин побыстрее закончился!

А он все тянулся и тянулся, и встать из-за стола было бы вопиющим неуважением к кухарке – дородной местрис Рути. Она ко мне питала некую слабость, скорее всего потому, что мы сходились с ней в вопросах гигиены, и постоянно норовила то подложить добавку, то кусочек посочнее.

Среди слуг тоже царила своеобразная иерархия. Мне повезло: уборка помещений находилась где-то посередине, так что меня не задирали и не гнобили, а вот двум молоденьким девочкам, занимавшимся черной работой на огороде и в курятнике, приходилось несладко.

Подсобные помещения и грядки располагались за усадьбой, там, где почти не было прогулочных дорожек, дабы не оскорбить взгляды юных дев приземленными – буквально – материями.

Зажиточные семьи привозили дочерей в этот пансион со всего региона. Здесь выпускали элитных невест, с идеальными манерами и набором навыков для ведения домашнего хозяйства – разумеется, в основном теоретических. Единственное практическое направление в образовании касалось, как ни странно, готовки.

Вышивку, рисование, пение и танцы я не считаю, потому что в доме от них пользы нету. Сшить, например, ту же самую юбку девочки были не в состоянии – только украсить уже готовое изделие кантом.

Картины – это прекрасно, но никаких выставок художницам не светило. Настоящим творцом может быть только мужчина, а даме позволено лишь малевать акварельки в свое удовольствие. Но не в ущерб уходу за супругом!

Петь – на приемах, для гостей. Танцевать, понятно, тоже.

В свете этого местрис Рути имела немалый вес. Практически она считалась одной из преподавательниц. Раз в неделю на три часа запускала старшую группу на территорию кухни и объясняла сначала азы, вроде правильной и красивой нарезки овощей, а после более продвинутые варианты блюд.

Курицу живьем девочки не видели никогда, и уж тем более им не доводилось ощипывать тушки. А яйца так и вовсе по их мнению росли на кустах, как и бутылки с молоком.

С трудом дождавшись, пока почтенная кухарка поднимется с места, чтобы отнести тарелку посудомойкам, я последовала ее примеру и поспешила в комнату.

Меня ждали мои драгоценные книжечки!

Только взяв в руки увесистые томики и вдохнув чуть пыльный аромат бумаги, я поняла, как соскучилась по чтению. Да что там – по нормальной информации! Весь мой лексикон, а значит, и полученные из разговоров знания сводились к погоде, сплетням о том, кто кого и где, и модным фасонам платьев.

Я не знала, как называется столица страны, в которой я нахожусь, зато выучила слова «складки» и «фижмы».

Так что замаячившую на горизонте возможность научиться читать, а кроме того еще и почерпнуть хоть какие-то сведения о мире за пределами сонного провинциального Тормота, я воспринимала как подарок свыше.

Огладив переплеты, я выбрала тот, что поярче. На синей тисненой обложке были схематично изображены облака. Когда-то, наверно, они были белыми – часть краски еще сохранилась ошметками.

Только сейчас мне пришло в голову, что это первые увиденные мною в этом мире книги. Вообще. В принципе. Я даже не могла оценить, лучше стало книгопечатание за прошедшие годы или хуже, потому что не с чем было сравнивать.

«Странно», – отметила я про себя и благоговейно подрагивающими пальцами открыла первую страницу.

По комнате пробежал легкий ветерок, вызвав озноб и мурашки. Или мне уже чудится от нервов? Поежившись, я повыше натянула одеяло и принялась рассматривать лист. Кроме ровных рядов текста, на нем были изображены стрелочки, замкнутые в круг, похожие на круговорот воды из природоведения. Даже снежинки схематические нарисованы, и облачка опять! Может, это местный учебник географии? Было бы неплохо!

Увлечшись, я провела в приступе ностальгии ногтем по картинке.

А она возьми и зашевелись!

– Эн алилас тэ, – сообщил мне приятный мужской голос. И добавил: – Наи анкере туи рэн. Как я не заверещала и не выбросила книгу – сама не знаю. Наверное, впала в ступор.

Первой мыслью было: «Меня сейчас застукают!» Голос был довольно громким, а стены в комнатах для слуг – картонными, если судить по слышимости.

Второй: «Она разговаривает!»

Третьей: «Это он, а не она».

Тут я немного успокоилась и начала соображать.

Подумаешь, книга говорящая.

У нас вон, прямоугольнички металлические тоже болтают, если на то пошло. Может, это какой-то древний гаджет?

Гораздо больше, чем вдруг начавший болтать фолиант, меня беспокоили соседки. За стеной как раз возились делившие комнату сестры Мэйми – они отвечали за стирку постельного белья и полотенец.

Как ни странно, девушки не среагировали на посторонний голос.

Приготовившись прятать книгу под подушку, я снова провела кончиком пальца по рисунку, не уверенная до конца, что мне не мерещится.

– Эн алилас тэ, – любезно повторил неизвестный.

Шуршание за стеной не прекращалось. В мою дверь никто не стучал.

Значит ли это, что голос слышу только я?

А может, я и вовсе схожу с ума и это действительно галлюцинация?

Осмелев, провела по первой строчке.

– Ис элдинар коминар эн, – озвучил мужской голос, в лучших традициях забугорной продукции.

Из всей фразы я поняла только первое слово – «вы». Оно часто звучало на уроках, так что было мне очень хорошо знакомо.

Тут я поняла, чего мне не хватает.

Ручки и бумаги!

Нужно же мне где-то записывать свои изыскания, иначе толку не будет. Мне же нужно учиться не только читать, но и писать, а еще разбираться, о чем вообще текст!

Я еще немного поигралась с озвучкой, тыча в разные участки текста. Мужчина послушно произносил вслух все подряд, комментировал картинки, даже цифры в самом низу страниц. Оглавление, которое я нашла в конце, напоминало по структуре привычное, с названием главы и двумя-тремя значками. Скорее всего, цифрами. Я так и в математике местной разберусь!

Отложив с превеликим сожалением книгу и запихав ее поглубже под матрас, я устроилась на постели поудобнее. Меня снедало нетерпение: вот она, возможность освоить письменность, прямо под рукой! Но придется потерпеть. Отпроситься в город удастся далеко не сразу, я только недавно выбиралась за обувью. Отдыха в привычном смысле у меня не было вовсе,

но раз в неделю мне позволялось отлучиться из усадьбы на несколько часов по личным делам. Разумеется, я шла в город – больше здесь особо и некуда было. Сад у пансиона и свой имелся, а бесцельно гулять после целого дня на карачках не слишком-то и хотелось.

Кто же знал, что мне срочно понадобится канцелярский набор!

Просить у преподавательниц я его не осмеливалась. Во-первых, разрушится имидж дурочки, а во-вторых, среди прислуги грамотность не поощрялась. Я уже заметила: в день выдачи зарплаты те шесть серебряных монет, что выдавали нижнему звену вроде меня, коллеги пересчитывали по два раза, шевеля губами и загибая пальцы. Что-то мне подсказывало, что с письмом у них все еще хуже, чем с арифметикой.

Как я дотерпела до следующего сокращенного дня – сама не знаю. Книги буквально прожигали матрас, иногда я не выдерживала и доставала их, снова и снова водя пальцем по строчкам. Обе они отзывались на прикосновение звуком. Мне очень хотелось слазить еще раз на чердак и убедиться, что и остальные такие же продвинутые, но я не решалась лишний раз проходить мимо закрытой двери, чтобы не привлекать внимание.

Я не понимала, почему девочек учат кое-как, в то время как на чердаке хранится настоящее сокровище прежних времен, но подозревала, что не все так просто. Скорее всего, книги уцелели по ошибке. Не заметили ларь среди других идентичных, когда относили на хранение. Их не должно было там быть, и вряд ли местная заведующая обрадуется моей находке.

В нашей истории тоже случались эпизоды, когда развитие людей, в особенности женщин, откатывалось назад, и вместо коротких юбок им полагалась паранджа. Ничего нового или удивительного.

А вот неприятностей за то, что я шарю по запрещенной литературе, наверняка можно огрести полный воз.

Наконец-то мне удалось попасть в город.

Я поспешила напрямик на почту – только там можно было прикупить оптом бумагу. Нет, существовал и специальный канцелярский магазин, с сияющими золотыми перьями в витрине и тетрадями в кожаных переплетах, но цены там кусались как бешеные. Зато в магазинчике при почтамте я под неодобрительным взглядом клерка набрала карандашей и сероватой, тоненькой бумаги, напоминавшей газетную. Она продавалась пачками по двадцать листов. В целом покупка обошлась мне почти как новая пара обуви.

С зимними сапожками придется подождать, увы.

Но я ни о чем не жалела. Знания важнее.

Сандарская письменность оказалась не из легких. К счастью, не иероглифичной, а вполне привычной алфавитной, но с подводными камнями вроде варьированного произношения. Почти как в английском, где «А» может читаться как «Э», «А», «О», а при определенных конструкциях не читаться вообще. Вот с такими моментами я намучилась, потому что некому было мне объяснить правила, и пришлось их изобретать самой.

Спала я урывками, часа по три-четыре, насколько меня поглотил открывающийся новый мир.

Книги, которые я притащила в первый заход, оказались далеко не базовыми учебниками, так что пришлось все-таки снова лезть на чердак и уже более осознанно отбирать самые примитивные, для младших классов. Я теперь хотя бы с цифрами была знакома, а на корешках писали год обучения – от первого до восьмого.

Самые ранние пособия отличались крупным шрифтом и более примитивным языком, как специально для меня. Рассчитаны они были, скорее всего, на семи-восьмилеток.

«Историю магии» я прочитала от корки до корки, и долго не могла заснуть, но уже по другой причине. Меня захлестывало недоумение: как можно было отказаться от всего этого? Где они, все эти магички – а в тексте явственно обращались именно к девочкам.

Возможно, в маленьком городке вроде Тормота просто больше не рождается так много одаренных, чтобы ради них содержать целую школу? Скажем, девочек с магией теперь отправляют в столицу, или еще куда-то?

Итак, волшебство здесь все же существовало. Оно делилось на четыре стихии: вода, земля, воздух и огонь. Каждому направлению соответствовали свои учебники. Определить его было проще простого: каждый маг мог открыть только общеобразовательные книги и те, что соответствовали его специальности.

Каково же было мое изумление, когда я перебрала остальные книги и поняла, что большинство разблокированных мной – по воздушной магии! Остальные либо по истории, либо по медитации, либо по теории заклинаний – опять же, по общим дисциплинам.

Получается, у меня есть дар? Мало того, воздушный!

Ничего себе!

Особенных изменений я в себе не чувствовала, однако честно пыталась выполнять упражнения, по мере того как изучала каждую книгу.

Мой словарный запас теперь рос не по дням, а по часам. Вскоре я уже отлично понимала все, что вокруг меня говорили, и довольно бегло читала книги, с каждым разом все быстрее и увереннее.

Но все равно предпочитала озвучку, чтобы перепроверять себя.

Как оказалось, голоса преподавателей, или кто там произносил тексты, не слышны никому, кроме меня. Звучат прямо у меня в голове, иными словами. Несколько раз меня чуть не застучали. У сестер Мэйми имелась раздражающая привычка путать комнаты. Они то и дело вламывались ко мне, ведь защелок и щеколд нам не полагалось. Я едва успевала спрятать книгу, которая тем не менее продолжала что-то бубнить из-под подушки.

Когда меня так застучали первый раз, спину прошиб холодный пот. «Ну все, – подумалось мне, – приехали».

Старшая сестра, Линди, мило улыбнулась, извинилась в сто десятый раз и закрыла за собой дверь.

Она ничего не услышала!

Мейсы Мэйми были не из тех тактичных людей, которые сделают вид, что ничего не заметили, из вежливости. Нет, понятие личного пространства для них не существовало вообще. Если бы соседка уловила хоть отголосок мужского баса, она бы не слезла с меня, пока не выяснила всю подноготную. Еще и начальницу бы привела для обыска.

Но нет – до нее не донеслось ни звука.

Потому теперь я спокойно, краем уха прислушиваясь к передвижениям в коридоре, вникала в тонкости медитаций и сплетений энергетических каналов.

Ближе к осени я поняла, что мне нужна настоящая тетрадь. Техник и хитростей скопилось так много, что я периодически в них путалась, и забывала последовательность.

На блокнот я копила три месяца, и приобрела его в той самой красивой лавке, когда с неба посыпался первый снег. Обувь зимнюю я себе так и не купила, но честно сказать, я и не собиралась выходить из дома надолго. Мне вполне хватало активных тренировок с ведром в помещении.

Теперь я чувствовала себя настоящей подпольщицей.

В пятой книге наконец-то появились практические задания, и каждую минуту, намывая полы, я тренировалась то в концентрации энергии, то в визуализации заклинаний.

Правда, ничего не выходило.

Глава 5

Я не отчаивалась.

Ведь в «Теории магии», первом томе, прямо говорилось: дар подобен мышцам в теле. Если его неустанно тренировать, то он развивается, а если игнорировать – зачахнет.

И раз книги посчитали, что во мне есть искры чего-то воздушного – кто я такая, чтобы спорить?

К тому же, регулярные занятия умственным трудом помогали мне не сойти с ума.

Прошло уже полгода, как я попала сюда.

Тоска по родным, оставшимся по ту сторону, то ослабевала, то накаtywала с новой силой. Хорошо, конечно, что родители не останутся одни – старшая сестра и брат о них позаботятся. Но утрата младшей дочери, должно быть, сильно по всем ним ударила.

Вот бы подать весточку, самую маленькую... да записку хоть передать, что я жива и в порядке!

В частности, потому я так яростно штудировала учебники. Надеялась отыскать там сведения о других мирах, а если уж не найду в тех томах, что пылились на чердаке – набраться побольше знаний, отполировать языковые навыки и двинуть в столицу. Там наверняка есть более обширные библиотеки.

Если они, конечно, вообще сохранились, учитывая как тут обращаются со старыми книгами.

Но задумываться о самом худшем варианте я себе не позволяла.

Если ничего не обнаружится в столице, ничего страшного! Поедем по деревням. Обычно как раз в глухомани старушки хранят древние манускрипты, доставшиеся от прабабушек.

Однако для всех этих грандиозных планов мне нужны были деньги, сведения о мире и навыки выживания в местном социуме. Которых – всех трех пунктов – на данный момент было чуть больше, чем ноль.

Теперь, когда речь я понимала чуть лучше, процесс мытья полов стал строго разграничен по времени и местоположению.

По утрам я намывала коридоры рядом с теми классами, где занимались средние группы. Вышивка и пение меня интересовали мало, а вот домоводство оказалось на удивление продуктивным. Актуальные цены на продукты, способы найма персонала, на что обращать внимание – и соответственно, что именно должна продемонстрировать, скажем, горничная, чтобы ее наняли. Мало ли в каком качестве мне придется подаваться в столицу. Деньги, они имеют свойство заканчиваться. А девочка на побегушках – это все-таки не поломойка.

Колени у меня уже сдавали, несмотря на то, что я наматывала полосы ткани в качестве импровизированных бинтов. Руки тоже постепенно теряли былую гибкость. Швабра спасала далеко не всегда, и тряпку все равно периодически приходилось отжимать вручную. Кожа на ладонях трескалась, масло уже не помогало. Я отчетливо понимала, что еще немного – и повреждения перейдут в разряд хронических, и тогда о любых фокусах, связанных с ловкостью пальцев, придется забыть.

По вечерам, закрывшись в комнате, я иногда вспоминала простейшие трюки, но сама замечала, что получают они все хуже. Сказывалось отсутствие практики и тяжелый ежедневный труд.

Нужно было как-то выбираться из этой рутины, но как? В голову ничего не шло. Проситься, чтобы меня перевели на другие работы, рискованно. Я сама у себя слышала акцент, другие точно его уловят запросто и начнут задавать неудобные вопросы.

Да и какие другие работы могут предложить туповатой дурочке? В курятник я не хочу, мыть полы в других флигелях – не велика разница, где именно. Все остальные должности – нужно либо сообщать, либо разговаривать. А желательно и то, и другое.

Сама себя загнала в ловушку тщательно создаваемой репутацией. Не хотела привлекать внимания, а в итоге превратилась в тень, никем не замечаемую и никому не нужную. Разве что если я вдруг не выйду на работу и перестану намывать до блеска центральный корпус, это заметят точно и тут же меня выгонят.

Несколько не тот результат, на который я рассчитываю.

Неудивительно, что на фоне моих раздумий и насущных проблем первое заклинание, которое у меня получилось – «воздушные перчатки». Тонкая прослойка воздуха между моей кожей и жесткой тканью, настолько тонкая, что я не сразу заметила эффект. Лишь когда тряпка влажно шлепнулась на пол, а я уставилась на абсолютно сухие руки, до меня дошло.

– Получилось! – прошептала я едва слышно. На местном наречии.

Очень хотелось похвастаться, но некому было. Так что я вечером тихо, едва слышным шепотом, чувствуя как крыша едет от одиночества, поведала о достижении учебнику. И тут же принялась разучивать новое заклинание – левитации.

Если верить той же «Теории магии», у магов воздуха она всегда получается лучше, чем у прочих.

Уборка отныне превратилась в обучающее развлечение. Сплошная тренировка с утра до вечера. Главное, чтобы меня не застучали. Так что после левитации я спешно научилась ставить ловушки. Тонкие, незаметные нити из уплотненного воздуха, которые рвались со слышным только мне пронзительным звоном, стоило кому-то их миновать. Я развешивала их на этаже, чтобы меня не застали врасплох, и с облегчением выпрямлялась.

Больше не было необходимости корячиться на четвереньках с тряпкой: повинуюсь моей воле, жесткая мешковина сама выжималась в ведре и ползала по полу, как гигантская гусеница, оставляя влажный след. Моей задачей было направлять ее, изредка поднимать, споласкивать в ведре и снова плюхать обратно на линолеум. Вот что я называю – работа в удовольствие!

Без ежедневных истязаний в ледяной воде руки быстро пришли в себя.

Пальцы мне были теперь нужны не только для фокусов, но и для магии.

Как оказалось, пассы и здесь имеют немаловажное значение, увеличивая мощность некоторых заклинаний, как бы приумножая их силу. Начинаящим магам, опять же, они помогали сконцентрироваться на схеме.

Чертежи, формулы, графики, методики... я почувствовала себя снова за партой. Ощущение скорее приятное. Признак того, что в голове постепенно оседают новые знания, руки умеют все больше, а столица все приближается.

Пусть пока только мысленно.

В цирке всегда есть, чему поучиться. Особенно если ты студентка последнего курса, девочка на побегушках.

Мне пришлось и полетать под куполом – самые простейшие трюки, разумеется, на сложные сальто никто бы меня не пустил – и навоз за слонами повыгребать, и ассистенткой фокусника побыть, пока мне не позволили наконец поставить собственный номер.

Как жаль, что до него так и не дошло...

Моим наставником по ловкости рук был гениальнейший клоун, которого все называли Вован Ловкач. На самом деле его звали Владимир Семенович Коробейко, но по молодости он успел побывать за решеткой за карманные кражи и мелкое мошенничество. Срок прошел, а кличка осталась. Как и татуировки, щедро украшавшие кольца его чувствительные пальцы. Если бы не они, его можно было бы принять за пианиста или скрипача, насколько изящными ладонями он обладал.

– Самое главное в аудитории – внимание! – повторял он, виртуозно заменяя яйцо на цыпленка. Как я ни силилась и ни пялилась, уловить момент подмены никак не получалось. – Если ты владеешь вниманием, глазами толпы, ты можешь заставить ее увидеть все, что угодно.

Вот я и позволяла остальным по-прежнему видеть во мне пустое место.

Теперь, когда угроза потерять чувствительность рук больше надо мной не висела, мне уже не хотелось переходить на новое место работы. Меня вполне устраивала и уборка. Никто не мешает заниматься и оттачивать магию до совершенства. А в редкие минуты, когда дети выбегали из классов, я брала в руки ведро и скромно отходила в сторонку, якобы чтобы им не мешать. А то и вовсе шла на верхние этажи. Там чаще всего было тихо и безлюдно.

В сторону кабинета заведующей я не совалась, а помимо пола в центральном флигеле было множество поверхностей, которые нужно было протереть. Подоконники, плинтуса, столы в пустующих комнатах, стекла...

Парадокс, зеркал почти не было, зато окна сияли ровными гладкими квадратами, как от лучших современных производителей. Поневоле закрадывалась мысль, что зеркала убрали специально.

Чтобы женщины поменьше на себя смотрели?

Возможно. Недаром мыться им полагалось в сорочке...

Потянулись долгие снежные зимние дни. Я пожалела, что не прикупила зимней обуви, но выбраться в город уже не могла. Мои тонкие кожаные туфельки промокли бы в момент, да и пальто тонковато для суровых выюг. Внутри же пансиона было по-прежнему относительно тепло. Особенно после того, как я все-таки отыскала и приволокла с чердака толстое стеганое лоскутное одеяло. Красота невероятная: яркое, хоть немного и выцвело от времени, собранное умелыми руками из нескольких сотен разномастных кусочков, а после прошитое мелкими стежками вдоль и поперек. Я его запрятала под обычное, серое казенное, и ночи стали куда уютнее.

А потом полыхнула одна из воспитанниц.

Старшие девочки, лет тринадцати-четырнадцати, выходили из класса после занятий ближе к обеду. Я уже не дежурила под дверями в тщетной попытке подглядеть буквы – спасибо, у меня своих под матрасом навалом. Но так уж совпало, что я оказалась с ведром неподалёку. Как раз направлялась к лестнице, чтобы избежать столпотворения и не быть затоптанной спешащими в трапезную голодными пираньями.

Неожиданно у одной из учениц занялось платье.

Взяло и загорелось, само по себе. Сначала подол, а потом и лиф. Бедняжка, кажется, не сразу и заметила, что что-то не так. Опомнилась, лишь когда вспыхнули рукава, и отчаянно заскакала на месте, пытаясь сбить пламя, но вместо этого раздувая его еще сильнее.

– Лави, что с тобой?

– Держись!

– Помогите! – заверещали ее одноклассницы на разные голоса.

Недолго думая, я уронила на пол тряпку, подскочила и вылила на девочку полное ведро воды. Не слишком чистой, но в тот момент мне было не до сантиментов. Я очень хорошо себе представляла, что такое ожоги, тем более здесь, где медицинские услуги сомнительного качества и уровня.

За все время пребывания в этом мире врача я не видела еще ни разу. Кажется, скоро мне это предстоит.

Брызгами окатило и подружек несчастной. Они взвизгнули еще громче и отскочили.

Огонь и не подумал затухнуть! Наоборот, словно разъярившись от того, что ему пытаются сопротивляться, разгорелся еще сильнее, злее, уже видно было, как краснеет кожа на руках бедняжки.

Откуда-то слышался топот ног – сюда неслись воспитательницы, привлеченные воплями.

Сомневаться было некогда. На кону будущее девочки!

Я рванула ворот чопорного платья для прислуги. Пуговички посыпались мелким бисером, разбегаюсь по коридору. Стащила через голову за секунды, не обращая внимания на вздохи и ахи, подскочила к жертве возгорания, повалила ее на пол и плотно накрыла юбкой, втихоря проговаривая недавно разученное заклинание, которое все не на чем было проверить.

Вакуум.

Тут главное не переборщить. Не хотелось бы оставить весь коридор без воздуха!

Космос здесь еще не освоили, так что называлось заклинание на самом деле «прореженный воздух». Рекомендовалось к употреблению в быту для лучшей консервации продуктов. Там, правда, нужно было всего-то пузырек лишний из-под крышки убрать, а здесь у нас целое тело, накрытое тканью.

Больше всего я боялась, что не хватит сил.

Еще ни разу за все время тренировок я не добиралась до предела возможностей.

Истраченный резерв описывался в учебниках четко и ясно. Слабость, острый приступ голода, головокружение – анемия, одним словом. Лечилось сном и едой. Но чтобы дойти до подобного состояния, нужно было сначала выложиться целиком и полностью, до самого теоретического доньшка.

Ежедневно я отработывала заклинания снова и снова, с утра до вечера, но ни разу не испытывала ни головокружений, ни резких приступов бессилия. Поневоле закрадывалась мысль, что резерв у меня на редкость обширный.

Вот сейчас самое время его проверить!

До нас наконец добежали преподавательницы. Первой подросла заведующая, местрис Осборн, и не обращая внимания на лужи, опустилась на колени рядом с несчастной.

– Ох, Лавиния, как же так! – вздохнула она с непритворным сочувствием и сожалением. – Ты же так хорошо держалась, девочка моя!

– Простите, местрис... – прошептала бедняжка потрескавшимися губами.

Она вся дрожала, то ли от болевого шока, то ли от общего потрясения, широко распахнутые глаза слепо уставились в потолок. Из них ручейками, не прекращаясь, текли слезы. Мне и самой хотелось заплакать от сочувствия. Представляю, какие боли сейчас испытывает несчастная!

Только вот я не представляла, что самое страшное для нее еще впереди.

Местрис Осборн погладила воспитанницу по встрепанной макушке.

– Потерпи, милая. Скоро придет святой отец и избавит тебя от бремени, – заведующая осенила себя треугольным знаменем.

Этот жест я частенько видела за обедом – перед едой некоторые служанки благословляли то ли себя, то ли пищу. Сейчас же мне от него стало не по себе. Я не понимала, зачем здесь сейчас нужен священник. Ей бы врача! Не все так худо, чтобы отправлять бедняжку в последний путь.

При мне еще ни разу не запечатывали магичек.

Впрочем, все когда-то происходит впервые...

Глава 6

Лавиния лежала, постанывая, не предпринимая ни малейших попыток подняться. Я сидела на коленях рядом, удерживая на ней платье. Один раз попыталась его убрать – и огонь откуда-то появился снова. Местрис Осборн своей рукой припечатала и меня, и мое платье обратно, с наказом не шевелиться.

Я и не шевелилась.

Наконец, спустя бесконечность, вдалеке послышались увесистые, степенные шаги.

– Отец Ульвар, вы как раз вовремя! – воскликнула заведующая, с облегчением поднимаясь на ноги. – Мейс Шев все-таки не сдержалась. Ее нужно срочно запечатать!

– А я давно говорил, – пробурчал священник, переваливаясь с ноги на ногу и неспешно подходя к нашей живописной группе.

Нестись сломя голову ему мешало внушительное пузико, с трудом маскируемое просторной рясой. Поверх вышитых алой нитью одеяний его укрывала пушистая лисья шуба, украшенная хвостами. «Теплая, наверно», – подумалось мне с легкой завистью.

– Не дело это, оставлять деву незапечатанной. Того и гляди, во грех войдет, сорвется, а то и волшебю какую творить вздумает.

Их диалог прошел как-то мимо меня. Постоянное удержание заклинания вакуума и контроль за тем, чтобы оно не захватило больше чем нужно, высасывал из меня силы. Кажется, сегодня я все-таки познакомлюсь с истощением лично.

– А это что за бесстыдное создание? – пророкотал тем временем отец Ульвар, указывая толстым перстом в мою сторону.

– Служанка, она немая, – отмахнулась местрис, как от надоедливой мухи. – Но сообразительная. Сумела погасить пламя, а то не знаю, что и было бы.

Священник смерил меня крайне подозрительным взглядом и шагнул ближе. Я отползла наоборот, подальше, действуя на инстинктах. Вообще-то хотелось бежать от этого жуткого дядьки сломя голову, но ноги, отсиженные за эти томительные минуты, отказывались повиноваться.

Меня ни на мгновение не обманул имидж добродушного толстяка. В глазах отца Ульвара виднелся холодный, расчетливый хищник, и сейчас он прикидывал, гожусь ли я на роль добычи.

Лавиния застонала, и священник моргнул, вновь перевоплощаясь во всепонимающего и всепрощающего спасителя.

– Сейчас, дочь моя, потерпи. Полегчает, – пробормотал он, с немалым трудом опускаясь на корточки. – Расстегните ей ворот!

На помощь бедняжке никто не спешил, так что я взяла себя в руки и вернулась. Под гнетом пристального внимания святого отца мои руки дрожали и путались, но я ухитрилась расстегнуть чудом уцелевшие мелкие пуговички нательной рубашки девочки. Дальше, ниже, начиналось платье, которое порядком истлело, но разваливаться не собиралось.

Но остальное обнажать и не потребовалось.

Священник вытянул из-за пазухи металлический треугольник на цепочке. «Наверно, потому они так странно крестятся, – подумалось мне отрешенно. – У них символ веры другой формы, вот и повторяют его».

Между тремя равными линиями виднелись сложные, замысловатые плетения. Некоторые показались знакомыми, но присмотреться как следует я не успела. Шепча что-то себе под нос, отец Ульвар опустил знак на обнажившуюся грудь девушки, сразу под ключицами, так что верхний угол смотрел ей точно в яремную выемку.

От вопля, который издала Лавиния, у меня встали дыбом все волоски на коже. Казалось, из нее живьем вынимают душу. Она не двигалась, только все сильнее запрокидывала голову, воя на одной ноте, и от этого становилось еще страшнее.

Девочки отступили на шаг, но испуга я не заметила ни на одном лице. Лишь болезненное любопытство и отчего-то зависть. Чему тут можно завидовать? Мучениям? Будущим шрамам?

По коридору поплыла омерзительная вонь паленой плоти. Только сейчас я поняла, что от огня до того никакого запаха не исходило. Ни жженой ткани, ни волоса.

Святой отец убрал треугольник и снова запихал его за пазуху. Там, где только что ровной розовой кожи касался металл, остались вздутые багрово-красные рубцы.

Лавиния прерывисто дышала, с присвистом, но улыбалась. Улыбалась!

От ужаса и непонимания происходящего я поднялась на ноги, сама того не заметив. Заведующая восприняла мой дикий взгляд, скользнувший по ней случайно, как некий вопрос, и снисходительно усмехнулась.

– Ты неплохо справилась, молодец. Теперь, пожалуй, будешь помогать Рути на кухне. Я ей сама сообщу, попозже. А пока пойдешь, приведи себя в порядок, – мистрис Осборн отпустила меня легким кивком.

Я повиновалась на автопилоте. Развернулась и потопала к лестнице, по направлению к своей комнате. Перед глазами все еще корчилась в агонии бедняжка Лавиния, а в носу витал тошнотворно-сладковатый пепел.

Радости от внезапного повышения в табели о рангах я не испытывала. У меня вообще все чувства атрофировались. Как можно так спокойно реагировать на мучения ребенка? Мало того, еще добавлять к ним эту жуткую печать! Зачем?!

Что это вообще было такое?

Переодевшись в запасное платье, все так же на рефлексах, я добралась до кухни и обессиленно свалилась на ближайший стул. Не знаю, чего там было больше – шока или усталости, но все что я могла в тот момент – тупо уставиться в стену.

– Что, запечатали-таки? – тяжело вздохнув, кухарка поставила передо мной полную чашку. Сначала я подумала, что там чай, и бездумно сделала глоток. Закашлялась и подняла на женщину более осмысленный взгляд.

Вместо чая, как оказалось, я отхлебнула фирменной наливочки мистрис Рути. На грушах и перце. Пожалуй, именно это мне и нужно было, чтобы немного прийти в себя и начать соображать.

Я медленно кивнула, глядя в лицо кухарке. Та поджала губы и покачала головой.

– Мейс Шев из древнего магического рода. Понятно было, что сила возьмет верх. Кровь не водица.

Уточнить, откуда она знает, кто именно пострадал, я не могла, но мистрис Рути каким-то образом сама догадалась.

– У нас три девочки сейчас с даром, – обыденно, как само собой разумеющееся, пояснила она. – От Нейты и Мейми я срыва не жду. У них искра едва теплится, да и стихия у обеих более безобидная – земля. А у огненной Лавинии будут проблемы, мы все так думали. С самого начала предлагали запечатать. Пока дар в силу не вошел, оно почти не больно. Чик, и все. Но она уперлась – смогу, мол, все проконтролирую, сдержусь. Ну и вот... не сдержалась.

Кухарка снова вздохнула и налила нам обоим из пузатой бутылки темного стекла еще по глоточку.

– Оно ведь как говорят? – по-бабьи подперев щеку кулаком, продолжала женщина. Собеседник был ей нужен лишь для того, чтобы выслушать, что я и делала с превеликим вниманием. – Девке дар ни к чему. Одно беспокойство от него. А мейс Лавинии кто-то вбил в голову, не иначе ее матушка, что от запечатывания красота увядает, особенно у огненных магичек. Вот она и упиралась. На самом деле-то оно вовсе наоборот! Запечатанные в особой цене, поскольку

дар у них, значит, пересиливает. Через край переливается. Мощный! И детишкам достанется. Главное, чтобы сыночку... Так что выйдет теперь наша мейс не за захолустного фермера, а за самого что ни на есть столичного мага!

Воздев заскорузлый палец вверх, словно поставив жирную точку, кухарка тяжело поднялась. Наливочка начинала оказывать свое коварное действие, и двигалась женщина с осторожностью, словно боялась себя расплескать.

– Ты посиди, выпей еще, – она заботливо придвинула ко мне матовую бутылку. – В первый раз смотреть, как запечатывают, еще тот ужас. Но ты не думай, они потом боль почти и не помнят. Стирается, как после ребеночка, а вот в жизни девка теперь устроится всем на зависть.

Я сделала вид, что подливаю добавки, но пить не стала. Хватит с меня. Еще болтать начну ненароком. Терять контроль над собой – последнее дело, особенно когда тебя может выдать любое произнесенное вслух слово.

– О, ты уже здесь! – хмыкнула заходящая на кухню мистрис Осборн. – Быстро устроилась.

– У девочки шок, – вступилась за меня кухарка, за что я ей была несказанно благодарна. – Она, кажется, впервые увидела, как кого-то запечатали.

– Да? – заведующая остро глянула на меня, почти как недавно священник, и у меня от дурного предчувствия побежали мурашки по спине. – А мне показалось, что она, наоборот, опытная и очень хорошо знает, что делает.

– Повезло, наверное, – отмахнулась мистрис Рути. – Вон, глаза до сих пор по медяку. Я ей своей наливочки подсунула, пусть сегодня отдохнет.

– Хорошо, – дернула плечом мистрис Осборн. – Дело твое. Она теперь будет тебе помогать. Соображает вроде неплохо, зачем девке руки гробить. Они у нее вон какие, тонкие, деликатные. Пусть на стряпуху учится, может, и сгодится кому.

Я инстинктивно спрятала ладони под стол. Мне совершенно не нравился тон, которым меня обсуждали, не говоря уже о том, что обо мне упоминали в третьем лице. Чувство было, что я крепостная, которую подумывают выгодно препродать.

– Ты чего подумала, дуреха? – фыркнула кухарка, заметив мое вытянувшееся лицо. – У нас тут солидное заведение. Отсюда за честь почитают жену взять, хоть воспитанницу, хоть служанку. Мало ли, и на тебя кто позарится! А ежели готовить выучишься, так и вовсе прекрасно пристроиться сможешь.

Растянув губы в полузабытой фирменной улыбке, я согласно закивала. Радость невероятная, замуж возьмут.

Вот уж сто лет не надо мне такого счастья!

Рассиживаться долго я не стала. Действие наливки быстро выветрилось, паника немного улеглась, и я поднялась, всем видом демонстрируя готовность немедленно начать помогать мистрис Рути.

Заведующая пансионом давно ушла. Не по рангу ей на кухне задерживаться, хотя видно было, что в теме она разбирается. Возможно, когда-то тоже начинала с низов?

Кухарка выдала мне нож и пучок моркови, и с самым скептическим видом предложила почистить и порезать кружочками. Я не стала демонстрировать фокусы с летающим кинжалом – признаться, после полугодового перерыва боялась промазать и не поймать вовремя – вместо этого принялась тщательно скрести грязноватую шкурку обратной стороной лезвия.

Заметив, что я знаю что делаю, мистрис Рути вернулась к своим делам, то и дело поглядывая в мою сторону и подкидывая мне все новые задания. К счастью, курица была уже ошипана. Тут бы я точно провалилась с позором. А вот разделать тушку я бы смогла с закрытыми глазами. Правда, куски получились великоватыми, пришлось рубить еще на части – я-то привыкла обед для тигров подготавливать, а для себя не слишком любила стоять у плиты.

К тому моменту, как подоспели штатные помощницы мистрис Рути, у нас уже был готов куриный суп. В прозрачном бульоне плавала мелкая свежая зелень. На кухне все подоконники

были уставлены длинными рядами крошечных горшков с рассадой, так что травы поставлялись к столу буквально с грядки.

– Отнеси порцию мейс Шев! – приказала кухарка, уверенными движениями собирая поднос для больной.

Тут и кусок хлеба, свежего, еще теплого, и квадратик масла, и миниатюрная плошка с медом, и, разумеется, чашка супа. Первое здесь ели из забавных чашек с двумя ручками. Для леди они выполняли чисто декоративную функцию, а вот работницы частенько брались за них и по-простецки опрокидывали оставшуюся на дне жижу в рот.

Я чуть было не отозвалась «Да, местрис», как это принято у местных служанок, но вовремя прикусила язык.

– Она мне теперь помогает. Так же, как и вы, – женщина обвела суровым взглядом прежних ассистенток.

Ох, мне эта проблема и в голову не пришла! На кухне уже имелось две помощницы, не начнут ли они меня выживать? Мотнув головой, я подхватила поднос и поспешила в ученическое крыло. Потом обдумываю этот вопрос, если он возникнет. Вдруг обойдется, а я зря нервы потрачу?

В этот флигель я попала впервые. Мимо пробежала часто, но не заглядывала и не интересовалась, как там все устроено. У меня не было времени на праздное любопытство. Да и теперь некогда особо глазеть по сторонам. Пришла по делу, быстро выполняю задание и обратно.

Сама не знаю, была ли я довольна неожиданным переводом на новое место. С одной стороны, полезные навыки никогда не лишние. Научусь готовить местные блюда, познакомлюсь ближе с аборигенами, сумею их привычки лучше имитировать. С другой – меньше простора для тренировок. Теперь я вряд ли останусь днем одна, разве что ближе к вечеру, в комнате.

Надеюсь, меня хотя бы не приставят мыть посуду, иначе это вовсе не повышение выйдет...

Девочки жили по двое. Сейчас крыло пустовало, все ученицы сидели на занятиях. Столь громкое происшествие тем не менее не нарушило их расписание. Лишь Лавиния отлеживалась, но было бы удивительно, если бы ее после всего попытались усадить за стол.

Не без труда найдя нужную дверь, я чуть не столкнулась с седовласым старцем, как раз покидавшим комнату. Следом за ним вышла местрис Осборн и не дернула и бровью. Вроде меня здесь нет. Минутка признания и благодарности окончена, всем спасибо, все свободны.

– И запомните, милочка, по пять капель три раза в день, не больше! – наставительно повторил он явно не в первый раз, и шагнул в сторону, пропуская меня. Одобрительно кивнул, оценив набор на подносе. – Суп съесть обязательно!

– Да, мейстер доктор! – как-то по-детски пискнула Лавиния.

Она лежала на узкой постели, отодвинувшись к самой стене, и выглядела очень хрупкой и ранимой. Кажется, за тот час, что прошел с момента возгорания, она похудела вдвое. Или так казалось из-за бледности и странно заострившихся черт? «В чем-то, наверное, ее матушка была права», — подумалось мне. Утрата дара не лучшим образом сказалась на внешности девушки. Впрочем, может, это временный эффект после стресса, и вскоре все станет, как было?

Глава 7

Я протиснулась в комнату боком, потому что широкий поднос не входил в проем, и поставила его на прикроватный столик.

– Благодарю, я не голодна, – прошелестела Лавиния, косясь в сторону дверей, где все еще стояли заведующая и врач.

– Вам необходимо восстановить силы! – подал голос доктор, с притворной суровостью грозя больной пальцем и прикрывая дверь, чтобы не смущать больную.

Ах да. По их странным правилам есть в присутствии мужчины считалось крайне непристойным. Дама могла поклевать фрукты или мелкие канапе, но уминать борщи и заливное – ни в коем случае. Женщина, она святым духом питается, и никак иначе. Возвышенное создание!

Потому, наверное, среди высокородных стала популярна готовка. Пока нарезаешь-варишь-проверяешь соль, уже не так есть хочется. А если хорошо напробоваться, то можно и не обедать.

Меня же тянуло накормить бедняжку. Видно было, как дрожат ее руки. Но приближаться или тем более прикасаться к воспитанницам простым служанкам не положено. Так что я лишь придвинула суп поближе и отступила, чинно сложив руки под передником.

– Не уйдешь, пока не доем? – с усмешкой перевела Лавиния мою пантомиму.

С трудом устроившись на подушках повыше, она взяла чашку и принялась цедить мелкими глоточками обжигающую жидкость. Цвет понемногу возвращался на ее щеки, давая надежду на то, что былая красота еще вернется. Мало кто хорошо выглядит после пыток, а то жуткое прижигание было настоящей пыткой.

Заметив мой сочувствующий взгляд, девушка нахмурилась.

– Не стоит меня жалеть! – резко выпалила она. – Я сама виновата, возомнила, что смогу справиться с даром. Гордыня наказуема, правильно говорит святой отец. Зато теперь меня точно возьмут замуж, и не кто-нибудь, а один из столичных магов!

Лавиния с гордостью покосилась на клеймо, раной алевшее на ее груди. Мне оно больше напоминало метку на скотине, чем предмет для гордости, но каждому свое. Возможно, мечты о столичном маге – своего рода способ успокоить себя, убедить, что все к лучшему.

И не свихнуться от безысходности.

– Мой отец хотел, чтобы я вышла за сына соседа, – понизив голос, сообщила девушка. – Они давно дружат, выросли вместе, вот и решили породниться... точнее, отец решил.

С чего она вздумала вдруг излить мне душу, не знаю. Скорее всего, сказалось обезболивающее. Доктор ее явно накачал чем-то по самое некуда. А может, учитывая что я вроде как немая и точно никому не проболтаюсь, ее просто потянуло на откровенность.

– Мне он понравился, Ларс. Симпатичный, умный. Мы бы поладили, – убеждала Лавиния скорее себя, чем меня. – А вчера мне матушка написала, что он помолвку заключил. И с кем! Ни кожи, ни рожи, зато деньги есть. А вот дара нет!

Она скривила губы, в одно мгновение переходя от упоения своей завидной судьбой к отчаянию.

– Я и решила, назло ему пойду замуж за настоящего мага, – все тише продолжала она. Паузы между словами становились все длиннее, лекарство действовало. – На шелке буду спать, в золоте кататься. Подумаешь, дар...

Она отвернулась к стене, но я успела заметить, как по ее щеке скатилась одинокая слеза. Возможно, мне и померещилось.

Поднос я оставила на тумбочке – там еще было довольно много съестного, а Лавинии, как я поняла, нужно хорошо питаться. Только опустевшую чашку унесла на кухню.

Местрис Рути всю шаманила над тестом для мясного рулета. У нас, похоже, намечался пир!

– Мейстер доктор остается на обед, – заметив мой голодный взгляд, пояснила кухарка. – Помоги пока лук нарезать. Как можно мельче, поняла?

Я кивнула, ополоснула руки под краном, на что местрис Рути одобрительно улыбнулась, и встала к разделочной доске. Кто-то уже заботливо почистил десяток бело-розовых луковиц, мне оставалось лишь изобразить кухонный комбайн, чем я и занялась.

– Надо бы тебя как-то называть, – задумчиво протянула моя новая начальница, разминая испачканными в муке кулаками тягучую клейкую массу. – Не буду же я звать тебя «Эй, ты!»

Я пожалала плечами, не отвлекаясь от шинкования. Нож летал в моих руках все увереннее – вспоминались старые навыки. Нет, пожалуй, на кухне я тоже найду, в чем потренироваться! Главное, не проколоться на мелочах, чтобы не сослали обратно, а то и вовсе не выгнали. Вот как мне сейчас представиться, если я вроде как немая?

Раньше всех как-то не смущало, что у меня нет имени.

То есть оно есть, разумеется, но выяснить его так никто и не потрудился.

Местрис Рути добилась, чего хотела – тесто перестало липнуть – и принялась растягивать его скалкой в квадрат.

– Итак, на какую букву твое имя? – задумчиво протянула она, поглядывая на меня. – И умеешь ли ты вообще читать?

Я гордо кивнула. Теперь умею.

– А? Це? Ей? – начала перечислять кухарка местный алфавит по порядку, заставляя меня осознать сразу две вещи.

Первое: она действительно довольно-таки образованная по меркам этого мира.

И второе: я понятия не имею, как здесь называются буквы. Только читать их могу, и то постигала методом тыка.

– Ша? – судя по нахмуренным бровям, мы уже приближались к финалу списка, и если я что-то не выберу, быть мне дальше безымянной. Или поименуют, как хотят, что не лучше.

Вряд ли я сумею объяснить жестами, что меня зовут Анна, так попробуем с псевдонимом. Я просияла, всем видом показывая, что кухарка на правильном пути.

– Ша?.. Шарлин? Шарлотта? – «угадала» местрис Рути.

Я закивала, как припадочная. Ура! Здесь такое имя тоже есть! И привыкать не придется, меня в цирке так и называли последние два года.

После торжественного поименования моя жизнь почти не изменилась. Разве что вставала я теперь еще раньше, потому что до завтрака нужно было его еще приготовить.

Зарплата слегка прибавилась, и ближе к весне я razorилась на качественные кожаные сапожки. Сидеть взаперти становилось невыносимо.

К тому же у меня образовалось неожиданно свободное время, да и труд был далеко не так изнурителен, как раньше – не считая краткого периода магической практики. На кухне, как я и думала, применять заклинания было опасно – слишком много посторонних глаз. Так что я уходила в сад, поглубже и подальше, и тренировалась там.

Блокнот заполнился практически весь, да и учебники подходили к концу. Я поняла, что больше тянуть смысла нет. Нужно потихоньку перебираться в столицу. Не могу сказать, чтобы я так уж вписалась в местное общество, но кто будет присматриваться к горничной? Или к помощнице кухарки? Разве что при найме.

Однако готовиться к самостоятельной жизни надо, а потому я стала выбираться в город, благо между обедом и ужином у меня теперь имелось часа три-четыре для себя. Чаще всего я просто бродила по улицам, присматриваясь к прохожим и запоминая мимику, жесты, манеры. Ведь проколоться можно на сущей мелочи, вроде как именно показать цифру «три» на пальцах? Используя большой или не используя?

Когда погода не позволяла много гулять, я укрывалась от дождя на лавочке под раскидистым деревом, напротив почты, и изучала попеременно работников службы и официантов в соседнем ресторане. Кто знает, вдруг мне придется притворяться мужчиной? Им тут живется куда веселее, чем женщинам. Вон, мне даже в кафе нельзя, потому что одна, без сопровождения.

Прошла весна, наступило лето.

Я все не уезжала.

Признаться, мне было страшно, как никогда в жизни. Даже перед выступлениями меня так не трясло от ужаса, как сейчас при мысли, что придется начинать все сначала, искать работу, убеждать кого-то в том, что я отличная служанка... Да и денег у меня не было даже на билет до соседнего городка, не говоря уже о столице. Куда я поташусь?

Так что я все тянула и тянула, успокаивая себя тем, что коплю сбережения для отъезда.

Подошло время выпуска для старшей группы.

В честь отбывающих по домам девочек ежегодно в мэрии организовывали бал.

Вообще, пансион фактически поддерживал жизнь в захолустном Тормоте. Если бы не он, городишко давно растворился бы среди мелких ферм и деревенок. А так – какой-никакой, культурный центр области. Так что местрис Осборн уважали здесь чуть ли не сильнее, чем самого мэра, и каждый норовил пристроить дочку или племянницу на работу в пансион.

Пожалуй, когда буду увольняться, попрошу рекомендательное письмо. Мыла пол в пансионе Тормота, резала лук – с отличием.

А перед самым балом в город заявился проверяющий.

Приехал вместе с почтой, на грузовом дилижансе. Мне уже тогда показалось это подозрительным, но кто будет спрашивать кухонную девчонку?

Я в тот день как раз дежурила на своей неизменной скамеечке. Жара стояла невероятная, словно не лежали только пару месяцев назад глубокие сугробы. Я изнемогала в трех слоях плотной ткани, но увы – на кружево и шифон денег у меня не было, а раздеваться категорически запрещали правила хорошего тона. Немного спасал зонтик-самоделка. Нитки стоили не так дорого, базу я нашла на чердаке, дырявую и порядком поеденную то ли мышами, то ли мощной молью. Пожелтевший дырявый зонт завалился за один из ларей. Я его вытащила, отреставрировала – считай, связала заново – и получила отличную и прочную защиту от палящих лучей. Не могу сказать, что получилась такая уж безумная красота, потому что из макраме я помнила лишь три вида узлов, но точно лучше, чем прежние дырки.

Втихаря, в качестве практики, я изредка запускала легкий ветерок. Он немного освежал разгоряченный лоб, но под ткань, плотно обматывавшую мою голову, проникнуть не мог, к моему величайшему сожалению.

По дилижансу, подъехавшему к почтовому отделению, я мазнула скучающим взглядом и отвернулась. Процедуры разгрузки и погрузки за эти месяцы заучила наизусть, ничего нового мне не покажут.

Зато когда с подножки спрыгнул солидный усатый джентльмен в длинном пальто – в жару-то! – я им сразу заинтересовалась.

В руках новоприбывший сжимал небольшой компактный чемоданчик. Больше ничего у него с собой не было. «Ненадолго, значит», – сделала я вывод.

Приезжий огляделся и уверенным шагом двинулся по улице. Мне и в голову не пришло, что он направился к пансиону, пока ближе к вечеру я не столкнулась с ним снова – на кухне. Вот уж где не ожидала увидеть постороннего, тем более мужчину!

Он успел за прошедшие часы лишиться пальто и чемодана (оставил в комнате, скорее всего), но пиджак его по-прежнему был застегнут на все пуговицы.

Пошевеливая усами, как заправский таракан, он лез подо все крышки, пока у местрис Рути не закончилось терпение.

– Вы вообще кто такой? – с явным намёком на грядущий скандал поинтересовалась она, многозначительно упирая руки в дородные бока.

Гость не впечатлился.

– Я проверяющий от Министерства образования. Мейстер Ренульф, к вашим услугам, – он запустил руку за пазуху, выудил небольшую книжечку в кожаном переплете, похожую на паспорт, и быстро продемонстрировал разворот кухарке.

Тон его четко говорил, что ни на какие услуги с его стороны лучше не рассчитывать.

Местрис Рути явственно побледнела, но позиции не сдала.

– У нас тут еда готовится, сюда без спецодежды нельзя! – она кивнула в мою сторону.

Я старательно кромсала свежий помидор, делая вид, что не слышу разворачивающейся разборки. Кто бы ни победил в противостоянии, мне бы не хотелось потом попасть под горячую руку проигравшему. Только официальных лиц мне не хватало! Я совершенно не уверена, что работаю здесь легально. Никаких договоров о найме я не подписывала, даже устно ничего не обсуждала. А ну как меня уволят? Точнее, выкинут пинком под зад, безо всяких бумаг. А я-то уже на рекомендательное письмо губу раскатала!

Проверяющий окинул взглядом нас, трех помощниц, оценил хлопковые рабочие фартуки и косынки, поморщился и нехотя кивнул.

– Так и быть, засчитаю вам условно норму. Пока. А на качество еще вечером посмотрю!

С этими словами он удалился, степенно и, кажется, нарочито медленно, чтобы никто не подумал, что он убоился кухарки.

Мы все переглянулись.

– Работаем, девочки, – подбодрила нас местрис Рути. – Кухня в идеальном состоянии, придратесь ему не к чему.

К сожалению, она недооценила въедливость гостя. К следующему утру он успел громко-гласно отметить – и занести в специальную книжицу:

«Постельное белье было влажным и воняло тухлятиной».

Сестры Мэйми закрылись, рыдая, в комнате и никого не пускали.

«Еда не слишком здоровая, и много опасных для женщин элементов».

На десерт подали молочный пудинг, в который по случаю визита высокого гостя местрис Рути сыпанула щедрой горстью изюма и цукатов. Да, прямо-таки верх сибаритства!

«В углах паутина».

Тут уже ничего не скажу, он прав. С тех пор, как я перестала намывать центральный корпус, там порядком заросло. Точнее, стало как было. На мое бывшее место взяли новенькую из города, и она не слишком-то справлялась. Судя по задумчивым взглядам, которые бросала на меня при наших редких встречах заведующая, она уже жалела, что погорячилась с наградой. В ее глазах явно читалось: «Надо было отсыпать серебрушек, а на другую должность не переводить». Ну да не отыгрывать же обратно!

«Воспитанницы дурно себя ведут, а выпускницы не готовы к выпуску».

Бедняжки чуть ли не впервые оказались в компании чужака, да еще и за обедом. Потому краснели напропалую, отказывались есть, а две самых чувствительных барышни еще и упали в обморок.

А уж когда он узнал, что в стенах до сих пор проживают две незапечатанные магички, да еще и с ведома и разрешения заведующей, мейстер Ренульф вовсе пошел вразнос. Открыто заявил местрис Осборн, что будет жаловаться в столицу и требовать закрытия «вопиюще развратного» заведения. Она едва успела прервать его, попросив – с трудом сдерживаясь – продолжить разговор за закрытыми дверями, в ее кабинете.

Но урон был уже нанесен.

По городу поползли панические слухи о скором закрытии пансиона-кормильца.

Я тоже поддалась всеобщему настроению и собрала так называемый аварийный чемоданчик. Скорее, котомку, потому что на полноценный багаж у меня, как можно догадаться, не было денег. Небольшой мешок, к которому я собственноручно пришила две лямки и вдела веревочку, чтобы затягивать горловину, вмещал мой драгоценный блокнот, собранные за год монеты (не так чтобы много, больше звона чем толку), смену белья, теплую шаль и единственное летнее платье, купленное у старьевщика по очень выгодной цене. Надевать мне его было совершенно некуда, я его берегла на случай поездки в столицу.

Или экстренного отъезда куда глаза глядят, который, учитывая настрой мастера Ренульфа, становился все более вероятным. Если он и дальше будет так настаивать на запечатывании всех подряд, как бы меня тоже не попытались заклеить. Чисто за компанию. Вдруг существует способ определять магов? В книгах ничего такого не нашлось, но им же по двести лет. Могли и изобрести за прошедшие годы.

Неудивительно, что от приезда этого человека я не ждала ничего хорошего. И оказалась права.

Вслед за ним приехали сыщики.

Глава 8

Оглушительный стук в дверь парадного хода услышали, кажется, все обитатели пансиона. Открывать двери не входило в мои обязанности, но уши я, как и все остальные, наострила.

Отрывистый мужской голос что-то спросил, резко и требовательно. Несчастливая уборщица помочь ему ничем не могла, так что он повысил тон:

– А кто знает?

На выручку бедняжке, которая судя по дребезжащему контральто собиралась вот-вот упасть в обморок, поспешила местрис Рути. И я вслед за ней, на всякий случай.

На пороге стояло шестеро.

Девочки-помощницы, увязавшиеся с нами, заохали в восхищении. Еще бы, самцы явно породистые: тренированные, высокие, хищные.

Я пожалела, что вообще из кухни вышла. Проклятое любопытство! Лучше бы пересидела, в тишине и покое. От незваных гостей веяло опасностью и властью. Сочетание, от которого попаданке вроде меня лучше держаться как можно дальше.

Обладателя приказного гласа я узнала сразу – по уверенной позе и выражению лица «мне все должны». Небольшая щетина его совершенно не портила, а встрепанная шевелюра придавала залихватский вид. Положенную джентльмену шляпу он держал в руке, то и дело нервно перебирая по краю полей пальцами и слегка подбрасывая ее в воздух.

Все шестеро выглядели довольно помятыми и усталыми, скорее всего, не спали толком несколько ночей подряд.

– Чего изволите, мейстер...? – подала голос местрис Рути.

Горничная, облегченно пискнув, убежала на поиски заведующей. Если кто и способен был разобраться с непонятными пришельцами, то только наша суровая местрис Осборн. А в ее отсутствие – властная кухарка.

Я машинально поправила выбившиеся из-под косынки кудри и облизала губы.

Бал выпускниц был запланирован на этот вечер, и как истинная Золушка, я на него приглашена не была. Зато мы – служанки при пансионе – собирались выйти в город и как следует повеселиться на главной площади: для простых обывателей, кого не позвали в мэрию, организовывали гуляния с ярмаркой и музыкантами.

Что-то мне подсказывало, что там будет куда веселее, чем среди пафосных разряженных представителей высшего общества.

Потому сегодня я в кои-то веки напялила парик, рассчитывая позже снять косынку и не тратить драгоценное время на прилаживание всей сложной конструкции с сеточкой.

Разумеется, чуда не произошло. Шикарный мужик мазнул по мне безразличным взглядом, с той же долей интереса, что он уделил и местрис Рути. Точнее, кухаркой он заинтересовался куда сильнее.

Ну и хорошо, не надо мне его внимания.

– Мейстер Уинтроп. Королевский дознаватель, Департамент магических преступлений. По нашим сведениям, здесь находится злоумышленник, выдающий себя за проверяющего от Министерства образования.

– Мейстер Ренульф?! – ахнула моя начальница с плохо скрываемым злорадством и радостью.

Мейстер Уинтроп подобрался, словно готовясь немедленно атаковать неприятеля.

– Очень вероятно. А где именно разместили дорогого гостя, вы случайно не подскажете? – процедил он, делая знак своим спутникам. Те с готовностью рассредоточились, двое и вовсе вышли обратно на улицу.

По спине потянуло морозцем. Сначала я решила, что мне показалось, нервы шалют, потом заметила, как ежатся девочки-помощницы. В холле и правда похолодало, волна ледяного ветра пронеслась вдоль стен, оставляя едва заметную подрагивающую пленку.

– Шарлотта, покажи мейстерам гостевые покои! – скомандовала местрис Рути.

Ну спасибо большое, вот и весь мой план не попадаться на глаза местным властям.

С другой стороны, я ее самая надежная помощница, кухарка на полном серьезе рассматривала меня как первую заместительницу, зачастую оставляя за главную, если ей нужно было отлучиться. Не будет же дородная дама сама скакать по лестницам, как малолетка!

подавив тяжелый вздох, я нацепила профессиональную улыбку... подумав, чуть пригасила ее до вежливого интереса. Еще не хватало, чтобы мужчины решили, что я с ними заигрываю! Так и доиграться можно. И поспешила на третий этаж, подобрав длинный подол. Чем быстрее выполню задание, тем скорее скроюсь в кухне от посторонних взглядов.

Мейстер Уинтроп шагал рядом, едва сдерживаясь, чтобы не обогнать еле плетущуюся в его представлении девицу. Попробовал бы побегать в юбке, да еще двухслойной, я б на него посмотрела! Прибавить ходу и не подумала: так выше риск запутаться окончательно и рухнуть со ступенек. Сдается мне, ловить и спасать какую-то там служанку никому из бравых молодцев в голову не придет.

Я остановилась у дверей, за которыми, как я знала, селили обычно приезжих, и молча указала на нее рукой для надежности.

– Отойдите! – взмахнул кистью дознаватель, размял пальцы, что-то прошептал себе под нос, и дверь вынесло вместе с петлями!

Да он же маг, как и я!

Я стояла с видом деревенской дурочки, открыв рот, куда чудом не залетела поднятая рухнувшими обломками пыль.

Самый настоящий, всамделишный маг! Причем не запечатанный, как несчастная Лавиния, а очень даже активно функционирующий. И сильный!

После того как я узнала имена двух других магичек-учениц, я украдкой присматривалась к ним во время прогулок и занятий на кухне. Нейта своим даром не пользовалась никогда. Возможно, когда мылась – по слухам, у нее была водная магия – но за этим я, понятно, наблюдать не собиралась. В остальное время она ничем не отличалась от сверстниц.

Мейми же старалась как можно больше времени проводить в саду, или на кухне рядом с импровизированными теплицами местрис Рути. У нее все шло в рост благодаря магии земли. Проростки превращались в полноценные растения буквально за сутки. Но я никогда не видела, чтобы она применяла какие-нибудь заклинания. Там скорее работала ее личная аура, избытки переполненного резерва. Видимо, за счет того что растения выпивали излишки, она успешно избегала срыва. Девочка явно очень старалась не попасть под запечатывание. Каждый раз, когда ее взгляд падал на Лавинию, бедняжка белела до синевы.

Далеко не все девы жаждут быть запечатанными – это я уяснила точно.

Пока я пребывала в ступоре, события вокруг все набирали обороты.

– Сбежал! – выкрикнул один из подчиненных дознавателя. – Его здесь нет! Окно открыто!

Выпрыгнул? Тут же третий этаж, ничего себе!

Подойдя к распахнутым створкам, я выглянула на улицу. Так и есть – он отсюда не сбежал. Прямо под карнизом густые заросли роз, он бы там и остался. Зато вид на парадное крыльцо открывался отличный. Похоже, притворщик выглянул, заслышав шум у дверей, и переполошился.

Они бы еще громче орали! Тоже мне, тайная операция.

Интересно, все шестеро маги?

Мысли от шока текли вяло, я совершенно не поспевала за происходящим.

– Рассредоточиться, он не мог далеко уйти! Как только успел! – прорычал мейстер Уинтроп, выбегая из комнаты. Чуть не снес меня, но даже не обернулся. – Скорее всего, это отвлекающий маневр, обыщите этажи!

На чистом автопилоте я побрела следом. Интересно же, чем дело закончится! Приключение, не хуже блокбастера. После унылой рутины-то в течение года! Изучение языка и заклинаний, конечно, скрашивало досуг и позволяло не засохнуть мозгам окончательно, но все же это другое. Информационный голод и недостаток адреналина сказывался. Особенно меня удручал неторопливый, сонный ритм жизни Тормота. Ни тебе пробок, ни очередей.

Мы – то есть четверо представителей закона и плетущаяся позади я – обошли все здание, но лже-проверяющего так и не обнаружили. Девочки-ученицы, завидев взрослых, внушительных мужчин, чуть не пищали от восторга, но старательно изображали скромниц, глядя в пол.

– Возможно, он успел и в самом деле выбраться до того, как я поставил защиту? – задумчиво пробормотал дознаватель себе под нос. – Не через окно, как-то еще...

Я давно хотела предложить ему эту версию, но старательно молчала, не забывая о роли недалекой кухонной работницы...

Дознаватель повел рукой, и гигантский пузырь, который я то и дело видела у внешних стен краем глаза, испарился.

– Где здесь черный ход? – обратился мейстер Уинтроп ко мне.

Я кивнула в знак того, что поняла задание, и поспешила в сторону кухни. Вряд ли, конечно. Мимо нас никто не проходил, я бы заметила.

– Вон он! Лови его! – раздались внезапно вопли откуда-то с улицы.

– Твою... – дознаватель произнес несколько интересных и выразительных фраз, которые я поспешила запомнить, чтобы разобрать на досуге.

Понятно, что эти конкретные термины ни в учебниках старых, ни среди воспитанниц пансиона у меня не было шансов изучить. А они иногда оказываются очень кстати!

– Где он прятался, *каббер*? – продолжал расширять мой кругозор мейстер Уинтроп.

Я последовала за несущимися куда-то мужчинами, не задумываясь ни на минуту. Просто невозможно было пропустить хоть мгновение – работает самый настоящий маг! Может, я у него не только обценной лексике научусь, но и владению даром? Благо он тоже воздушник, как и я!

Заклинание, которое он применил для изоляции дома, было мне знакомо. Те самые «перчатки», что я натягивала поначалу на руки, чтобы не замочить их во время мытья полов, только растянутые на все здание.

У него внушительный резерв!

Я мечтательно прищурилась, неотрывно глядя в удаляющуюся широкую спину. Именно с такой интонацией моя сестра обычно описывала другие части тела своего кавалера. Они тоже были внушительными, по ее словам.

Но те части тела дознавателя меня волновали мало.

А вот уровень владения магией – очень даже!

Мейстер Ренульф – если его, конечно, в самом деле так звали – умудрился под шумок миновать бдительное око мистрис Рути и спрятаться в кладовке при кухне, у самого выхода. Наверное, пока мы разбирались в холле с гостями, прошмыгнул по черной лестнице. А теперь, когда заслон с дома сняли, недолго думая рванул в лес.

Пансион располагался на окраине Тормота. Сразу за окультуренным садом, с широкими аллеями и подстриженными рядами кустов, отгороженный от цивилизации кружевной решеткой, начинался бурелом. Места здесь тихие, хищников вроде волков или лис тонкая вязь металла удерживала, а медведей поблизости не водилось.

Как мне раньше казалось, преступников тоже, а вот поди ж ты.

Два служителя закона, что обходили в этот момент здание с другой стороны и упустили беглеца, бросились в погоню раньше нас. К тому моменту, как мы все вылетели из пансиона, они давно скрылись за забором.

Остальные, во главе с мейстером Уинтропом, поспешили следом.

И я за ними, недоумеваю: отчего они не пытаются поймать преступника магией? Бросить воздушное лассо, поднять его над землей, поставить барьер – да мало ли вариантов?

Или же маг среди них только мейстер Уинтроп?

Кстати, я не видела, чтобы еще кто-то из шестерки пользовался магией. Логично, в принципе: начальник-маг и подчиненные – физическая сила. Впрочем, судя по размаху плеч, дознаватель тоже тренировками не пренебрегал.

За все время пребывания в пансионе я не видела ни одного одаренного, кроме трех учениц. С другой стороны, на магах же не написано, что они маги. К сожалению, а для меня так и к счастью.

Конечно же, я почти сразу безнадежно отстала. На мне три слоя юбок, а стоило закончиться парковым дорожкам, по которым я худо-бедно ковыляла, и начаться буеракам, как ноги увязли напрочь. Можно было бы применить заклинание ровного хода, создававшего подобие гладкой дорожки прямо под ступнями, но я опасалась пользоваться даром. Вдруг его почувствуют? Пока мои эксперименты никто не засек, но, вполне возможно, это потому что рядом никого квалифицированного не нашлось. А тут вон, целый дознаватель! Может у него вообще работа – ловить таких, как я? В кодекс-то уголовный я так и не заглянула еще. В пансионе ничего подобного не водилось, а заходить в букинистическую лавку я опасалась.

Во-первых, это еще неприличнее, чем в ресторан одной сходить.

А во-вторых, интересующаяся такими темами служанка наверняка вызовет вопросы у продавца. Пожилой мейстер Барди отличался удивительно острым для своего возраста зрением и склонностью к сплетням, которой позавидовала бы любая светская дама. Через полчаса после того, как я побывала бы в его лавке, о моих увлечениях и бесстыдстве знал бы весь Тормот.

Так что знакомство с местными законами (не путать с правилами поведения!) я отложила на потом. Вот в более оживленном городе можно будет рискнуть, попробовать разжиться полезной информацией.

Лес становился все гуще и зловещее. Я притормозила, вглядываясь в сплетения ветвей. Вдруг беглец притаился где-то и сейчас как выскочит на меня? Зря я потащила за специалистами. Вот как захватят меня, в лучших традициях блокбастеров, в заложники!

Нет, пожалуй, лучше я вернусь и в пансионе новостей подожду.

С этими праведными мыслями я развернулась, собираясь двинуться по вытоптанной множеством ног тропе в обратную сторону, и застыла, заметив краем глаза странное свечение.

Взрыв докатился до меня отголоском, но все равно свалил с ног. Представляю, что там творилось в эпицентре!

Я похолодела, несмотря на то что лицо опалило горячим, будто из духовки, порывом ветра.

Неужели с дознавателем и его командой что-то случилось? Это ужасно! Я обязана попытаться им помочь, вдруг они все-таки выжили в этом аду?

Не раздумывая больше ни минуты, я бросилась вперед, туда, где потрескивали обломки деревьев и все еще витали в душном воздухе искры и тлеющие обрывки чего-то. Мне не хотелось задумываться, обрывки чего именно то были.

Мужчин нигде не было видно, а пожар все разгорался. Уже не магический, а самый настоящий. Просохший за лето, особенно за последний месяц практически без дождей, лес занялся моментально.

– Мейстер Уинтроп? – проблеяла я, осторожно пробираясь между поваленными стволами и стараясь не наступить на очаги огня.

Искры падали на благодатную почву: выцветший от солнца мох, мумифицированные прошлогодние листья, жухлая трава. Прямо-таки растопка для костра, как по заказу!
Впереди послышался надрывный кашель, и я поспешила на звук.

Глава 9

Дышать становилось тяжелее, пламя разгоралось сильнее с каждым биением сердца. Схватившись, я окутала себя коконом чистого воздуха. Никак не привыкну, что я маг!

Видно было плохо, прогалину как-то очень быстро заволок густой, приторно пахнущий прелыми травами дым.

Как ни странно, все оперативники были живы. Порядком помяты, но в сознании и в относительной целости. Кажется, дознаватель успел поставить воздушный щит, потому их и не снесло. Сейчас шестерка медленно, кашляя и задыхаясь, барахталась в траве, силясь подняться на ноги. Я глянула в их сторону с недоумением. У них же маг есть, сделал бы еще один щит, или сферой всех накрыл. Элементарное же заклинание! Вроде бы шевелятся все, значит, мейстер Уинтроп в сознании.

А вот несчастному мейстеру Ренульффу повезло куда меньше.

То ли щит имел еще отражающую функцию (как любопытно, я бы узнала поподробнее!), то ли он не справился с собственным даром, но в данный момент несчастный лежал неподалеку грудой дымящегося тряпья и не подавал признаков жизни.

Впрочем, похоже, мы их все скоро перестанем подавать.

Дым густел, не позволяя разглядеть происходящее. Я не слишком стремилась полюбоваться на труп, но все-таки подобралась к беглецу и отправила в его сторону короткое сканирующее заклинание. Увы, спасать тут было некого. Сердце не билось – воздушный датчик уловил бы сокращения пульса и малейшую дрожь тела.

Представители закона еще дышали, но дознаватель отчего-то не торопился применять свои умения. Нанюхался гари, что ли, память отшибло? Или головой ударился при падении? Так и помереть недолго. Вот получится обидно: уцелеть в эпицентре взрыва и так по-глупому задохнуться в пожаре.

Ногам стало совсем горячо. Я зашипела сквозь зубы, заметив, что занялась юбка. Машинально погасила ее заклинанием «перчатка» – оно прилегало так же плотно как настоящая, убирая лишний воздух от объекта, а раз нечему гореть – огонь затухает, и задумчиво, уже с другим, деловым выражением лица оглядела новообразовавшуюся поляну.

А что, если совместить «вакуум» и «перчатку»?

Применять первый на Лавинии было проще: девушку я прикрыла платьем, и при вытягивании воздуха ориентировалась на ткань. Сейчас же, посреди леса, я рисковала устроить небольшой филиал космической пустоты. Заклинанию нужны рамки, а чем их обозначить? Логично, другим заклинанием!

Отдельно «перчатку» использовать не выйдет по одной простой причине – она обтекает лишь гладкие поверхности. А тут – то травинки, то кусты, то выбоины. А вот если проложить слой «разреженного воздуха», и уже его, как торт глазурью, накрыть «перчаткой»... может и получиться.

Признаться, никогда я еще не пробовала сотворить два заклинания одновременно! Было и страшно и любопытно. Меня могли поймать и разоблачить, но если я сейчас ничего не предприму, на поляне станет на шесть трупов больше. Что-то мне подсказывало, что исчезновение мага воздуха, дознавателя из министерства, незамеченным не пройдет.

И вот тогда-то точно начнется дотошное расследование! Все в пансионе видели, как я уходила вслед за погоней. Если сейчас вернусь одна, возникнут совершенно логичные вопросы. Пока что все, в чем меня можно упрекнуть – наличие дара, ну так это не преступление. Если конечно я не сорвусь...

После происшествия с Лавинией я принялась особенно внимательно вслушиваться в беседы о ней и вообще о запечатывании. Даже в храм пару раз сходила. Здесь это поощрялось: набожность считалась чуть ли не главной женской добродетелью.

После целомудрия, разумеется.

Здание походило на протестантские церкви аскетичностью убранства. Самое яркое во всем храме – цветные фрески. Видно было, что о них заботятся и вовремя реставрируют. Сам же священник себе ни в чем не отказывал, судя по наметившемуся под роскошными шелковыми одеяниями брюшку.

Как ни странно, больше всего о нынешних правилах по поводу магичек я выяснила именно из проповеди.

– Деве должно блюсти себя и не злоупотреблять магическими практиками! – вещал с небольшого возвышения отец Ульвар. – Ибо волшебство есть привилегия мужчин, и лишь они способны справиться с сопутствующими могуществу соблазнами и искушениями. Женам же должно сдерживаться, а ежели невозможно то, явиться с покаянием в храм и запечататься. Печать сия сдержит порывы пагубные, а кроме того знак есть одаренности и пользительности. Деву, осененную сим знаком, ждет высочайшая милость и удачное замужество, ибо род магический должно продолжать и возвышать, передавая дар сыновьям!

Для наглядности он вытащил из-за пазухи уже знакомый мне треугольник и продемонстрировал его пастве, ухватив за цепочку и высоко подняв над головой.

У меня от одного взгляда на металлическую гадость забегали мурашки. Как оно работает, мне предстоит еще разобраться, но самое главное – не сорваться и не продемонстрировать ненароком способности. Запечатывают ведь из лучших побуждений! Дабы вышла замуж за сильного мага и родила тому выводок одаренных сыновей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.